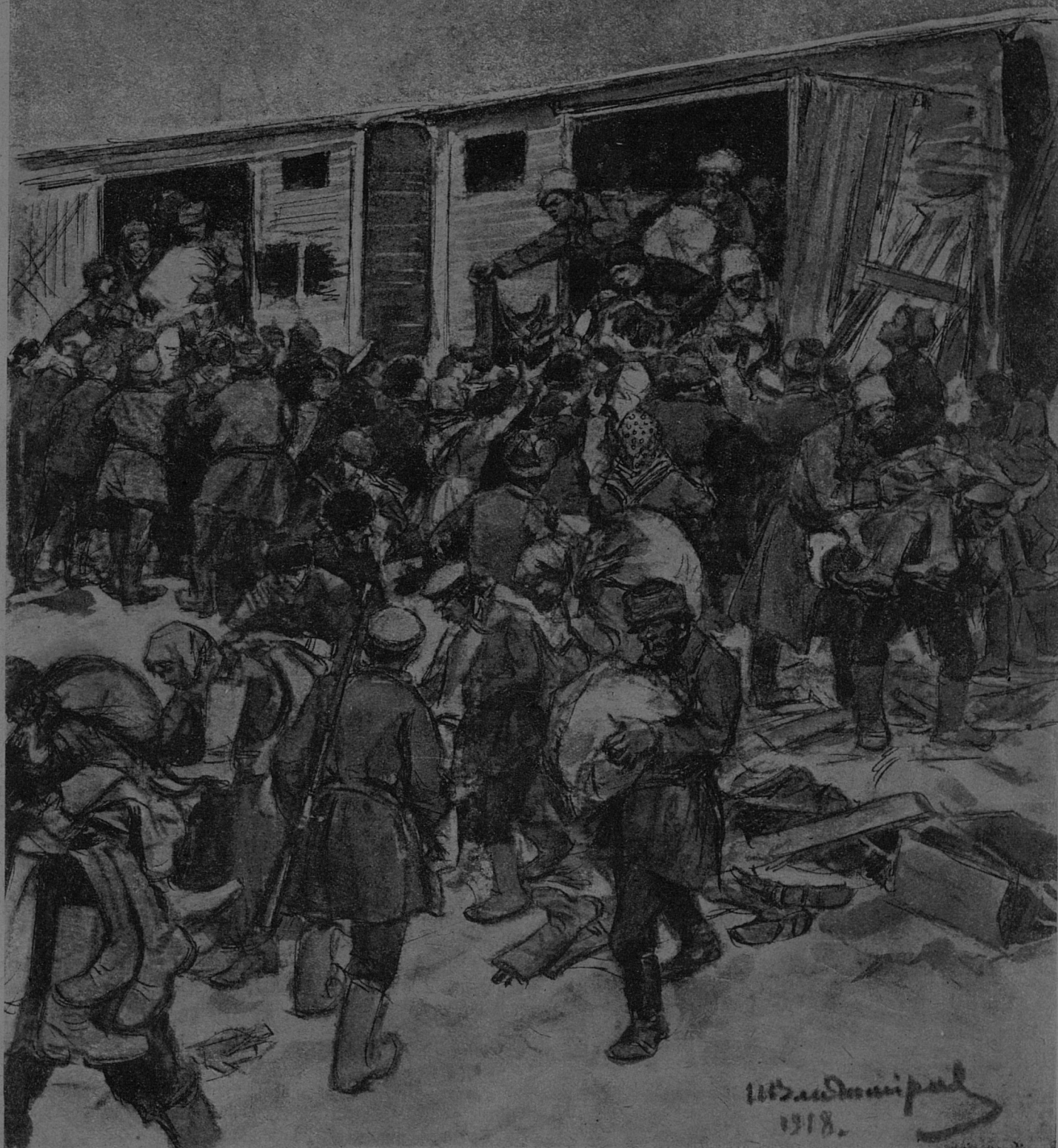

Разграбленіе эвакуированнаго интендантскаго поѣзда.

По газетному отчету рисоваль для «Огонька» худ. И. А. ВЛАДИМИРОВЪ.

...Когда поѣздъ у станціи Д. началъ замедлять ходъ, откуда то появились громадныя толпы народа,—вначалѣ солдаты, а затѣмъ мужики, бабы, мѣстечковое населеніе и т. п. Вся эта толпа напала на поѣздъ, остановила его и стала расхищать все добро. На улицѣ творилось нѣчто невообразимое. При расхищеніи была невѣроятная давка. Всякій тащилъ сколько могъ. Кто былъ посильнѣе, вытаскивалъ по 30 паръ сапогъ. Тащили брюки, бѣлье, обмундировку и т. д. Женщины тащили громадныя солдатскіе сапоги, при этомъ нѣкоторые брали сапоги съ одной ноги. Этотъ грабежъ поѣзда послужилъ сигналомъ для дальнѣйшихъ событій: толпа вошла во вкусъ и бросилась расхищать военныя склады, инженерныя и артиллерійскіе. Тащили веревки, рогожи, пилы, снаряды, коробочки съ пироксилиномъ, ручныя гранаты, бомбы, револьверы, ружья. Люди превратились въ разъяренныя звѣрей...

Выдача „ОГОНЬКА“ для розничной продажи: въ типографіи журнала

(Государственная Типографія, Гатчинская, 26, входъ со двора),
въ Невскомъ отдѣленіи конторы „ОГОНЬКА“—Невскій пр., 50
и во временной конторѣ „ОГОНЬКА“ Галерная 63, кв. 2, комната 4.

Современная торговля въ Петроградѣ.

Товарообмѣнъ. — Изъ-подъ полы. — «Керенскіе хвосты». — Старыя деньги
и новыя деньги.

Очеркъ АВГУРА.

Наброски съ натуры для «Огонька» худ. М. АНДРЕЕВА.

Тяжкое, стремительное паденіе цѣнности рубля, появленіе массы «керенокъ» въ 20 и 40 рублей, необходимость запасаться нормируемыми, а, слѣдовательно, неизмѣнно исчезающими съ рынка продуктами—все ведетъ только къ одному: Обыватели столицы и пригородовъ начинаютъ примѣняться къ способу вымѣна товара на товаръ.

Только товаръ и только за товаръ... денегъ не хотятъ брать, а если берутъ, то всячески понижаютъ ихъ цѣну или переоцѣниваютъ, въ зависимости отъ того, «старыя» или «новыя» деньги.

Образуются всюду «керенскіе» хвосты сбывающихся керенки.

Подъ стеклянными, запыленными коньками нашего «Александровскаго»,

какъ пѣна прибоя, сбилась масса подозрительныхъ дѣльцовъ, по преимуществу только тѣмъ и занятыхъ, что производящихъ — тутъ же подъ уютнымъ прикрытіемъ полы пальто — обмѣнъ «негодящихъ», какъ тутъ выражаются, керенокъ на соответствующую валюту...

Поглядишь, поглядишь — и оторопь возьмешь. Моментами начинаетъ до жути походить на прилавокъ банка, гдѣ мѣ-

— За сороковку даю тридцать два рубля, и все настоящими рублими, а за двадцатку—восемнадцать. Всего только...

Сдѣлка живо облажена. Деньги «настоящіе» и деньги «ненастоящіе» спрятаны, къ общему удовлетворенію, по карманамъ. Рынокъ устанавливаетъ свой курсъ.

* * *

Скрывшіеся, было, съ суровыхъ питейскихъ улицъ мѣшечники снова появились. То-ли осмѣлѣли, то-ли ушачиваютъ уже соответствующій «призъ» за провозимые джутовые мѣшки съ продуктами.

У «дамъ и бабъ» отлично наметался зоркій глазъ. Еще мужчина, пожалуй, разсѣянно скользнетъ по скромно, этакимъ лукавымъ котомъ, пробирающемуся у стѣночки человѣкъ въ сѣрой шинели.

«Дамы и бабы» мгновенно и безошибочно опредѣляютъ въ человѣкѣ его мѣшечную сущность. «Можетъ» или «не можетъ».

няли русскія деньги на зарубежныя.

Какъ и въ настоящемъ «банчишкѣ», курсъ керенки тутъ колеблется, словно калиновый листъ.

Господинъ съ типичнымъ скопческимъ лимоннымъ обликомъ вкрадчиво и съ опытной ластивостью убажваетъ покупателя «настоящихъ денегъ»...

— Да вы, сударь мой, только имѣйте настоящее сужденіе, а меня можете и не слушать. Вѣдь—что у васъ? Развѣ деньги? Призракъ! Фатаморганна! Миражъ какой-то... Дунулъ и, знаете ли, нѣтъ ничего. А я вамъ предлагаю настоящія десятки розоваго, «правильнаго» оттѣнка...

Прижавъ «мѣшечноспособнаго» субъекта къ стѣнѣ, дама бойко начинаетъ его охаживать и въ тонѣ той же бойкости отвѣчаетъ ей мѣшечникъ.

Правы ошеломительно быстро сдвигаются, подъ тяжкимъ навісомъ разрухи, въ сторону уличнаго и равно для всѣхъ голоднаго быта.

Деньги «убиты». Ихъ почти нѣтъ. Существуютъ только «традиціи», такъ сказать, денегъ, довѣрчивое отношеніе къ бумажному, кредитному знаку...

* * *

...Два человѣка, другъ друга не знающихъ, но быстро сдружившихся на почвѣ «обмѣна веществъ», какъ глубоко-мысленно говорятъ медики, ведутъ пылкую дискуссію по поводу того:

— Что дороже?
— Вино-ли? Или полукрупчатка? Правда нѣсколько затхлая, но все же вкусная и вполне приспособленная для приготовленія морковнаго пирога!..

Оба искренне хотятъ—одинъ муку на вино обмѣнять, другой—вино на муку. Но утерянъ всякій критерій.

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение копий не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ художественно-литературный ЖУРНАЛЪ Огонекъ

Годъ изданія II-й.

Цѣна „Огонька“
въ розничной продажѣ:
въ Петроградѣ 65 коп.
въ Петрограда 70 коп.
на ст. жел. дор. 75 коп.
—
Редакція „Огонька“
Петроградъ, Офицерская ул.,
№ 54.

№ 5

Воскресенье, 7 апрѣля (25 марта) 1918 г.

№ 5

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

Воспоминаніе о въѣздѣ въ Иерусалимъ.

Я видѣла сама тотъ градъ священный,
Гдѣ въ храмѣ Иисусъ Израиль Свой училъ,
Гдѣ распятъ былъ и гдѣ петлѣнный.
Во гробѣ Онъ, казалось, опочилъ;
И гдѣ воскреснулъ Онъ, вознесся ввысь
надъ міромъ,
Кипящимъ бѣдами и тонущимъ во мглоѣ;
Вознесся ввысь, страдающимъ и сирымъ.
Дары любви оставивъ на землѣ —
Дары любви ко близкимъ и далекимъ,
Къ друзьямъ, врагамъ,
И къ добрымъ, и къ жестокимъ...
Я видѣла тотъ градъ. Та пыль, что

Моимъ невидимо пристала,
Не отряхнулась вся еще и до сихъ поръ.
Казалось тамъ, что ясно я вникала

Рѣчамъ Спасителя и видѣла тотъ
взоръ
Божественный, какъ судный день печальный,
Что средь оливъ съ высокихъ скалъ —
На городъ Свой, на міръ широкій,
дальній

Со скорбію великой Онъ бросалъ.
Своими, мнилось мнѣ, я видѣла глазами
И слезы тѣ Его, что падали изъ глазъ.
Сама я плакала горячими слезами
При видѣ этихъ слезъ въ тотъ часъ.
О міръ плакалъ Онъ, страдающемъ и
грѣшномъ,

Жестокомъ міръ, зломъ...
И вотъ теперь, днемъ этимъ вешнимъ,
Вспоминая о быломъ,
На всѣ дѣла людей взирая —
Я мыслю, я молю:

О Господи Воскресшій, днесъ изъ рая
Въ сердца обиженныхъ и въ грудь мою
Влей силы —

Прощать, прощать!
Затѣмъ вѣдь изъ могилы
Творецъ велѣлъ Тебѣ возстать,
Воскреснуть!..

И. Гриневская.

Мать.

Въ лохмотьяхъ, обобранную, разбой-
ными людьми ограбленную — съ обна-
женными костлявыми ногами, съ исто-
щеннымъ почернѣвшимъ горестнымъ
лицомъ, съ глазами пустыми — я вижу
тебя, мать родина!

Побѣлѣвшіе, пожелтѣвшіе клочья во-
лосъ спутались, глубокія морщины лобъ
изрѣзали. Мѣдный крестикъ на голой
кровавленной груди потемнѣлъ и окра-
сился. — Такой я вижу тебя, мать моя,
родина!

Куда дѣвалась краса твоя — корона
изъ спѣлаго золота полей, гдѣ длинная
фата изъ тихихъ цвѣтныхъ озеръ и
быстрыхъ серебромъ шитыхъ рѣкъ,
гдѣ сарафанъ твой изъ шелка обиль-
ныхъ росистыхъ луговъ, затканный
густыми узорами непроходимаго лѣса
и гдѣ широкая жемчужная кайма изъ
бурныхъ морей?

Не стало гордости и силы въ твоёмъ
лицѣ и нѣтъ болѣе величія въ поступи.
Погасъ огонь въ глазахъ.

Убогая, въ лохмотьяхъ, разбойными
людьми обобранная! — я еще ниже при-
падаю къ голымъ, загрязненнымъ кост-
лявымъ ногамъ, любимая мать, родина
моя!

Кликни громко на весь міръ, кликни
сыновъ своихъ, зови ихъ на защиту,
возвращенныхъ тобою.

* * *

Еще не очервнѣла заря, не ударилъ
гулкій мѣдный колоколъ, живое солнце
еще не прозило глазъ. — Ночь темная
покрыла голову твою, мать, родина моя!
Небо черное, тучи густыя и звѣздамъ
не прожечь ихъ. Слѣпыя ощупью до-
рогу ищутъ. Они еще не скоро придутъ.

Владимір Гординъ.

Рассказ Л. ПАСЫНКОВА.

Иллюстрировал для «Огонька» худ. С. ЛОДЫГИНЪ.

Старый принц былъ опечаленъ. Онъ прикладывалъ перламутровое кольцо съ шлифованнымъ гарцскимъ хрусталемъ къ синему, прекрасно сохранившемуся глазу и охалъ:

— Какъ?... Помилуй, Исусъ! Даже для неба три тысячи мессе—изрядный трудъ. Извольте ка ихъ всѣхъ записать на небесный приходъ... Когда императоръ проигрываетъ въ карты, онъ непременно записываетъ въ книжечку подъ золотымъ обрѣзомъ, равно какъ ведетъ записи и тогда, когда подписываетъ бумагу о казни, подсунутую министромъ. Но все же три тысячи, три тысячи мессе!.. И императору всего не переписать, и небу всего не переслужать...

Принцъ опустилъ кольцо и прикрылъ единственный свѣтлый глазъ.

Второй глазъ безжизненно былъ прикрытъ пожелтѣлымъ, дряблымъ вѣкомъ, опустившимся заботливо на зрачекъ, какъ опускается плотный театральнѣй занавѣсъ на потухшую, темную, опустѣвшую сцену.

Старый, веселый принцъ не мало перевидалъ на своемъ большомъ вѣку.

Онъ умиралъ по частямъ, но упорно и съ жизнерадостной легкомысленностью все полагалъ, что увильнетъ, не сдастся и смерть спрячется отъ него—на срокъ неопредѣленный, которымъ можно будетъ все-же воспользоваться съ большою пользою и не меньшимъ опытомъ.

Придворный, баронъ Швейнигеръ, усмѣхнулся на рѣчи принца и, наклонившись, спросилъ:

— Какъ-же однако прикажетъ его высочество? Распрягать?

— Распрягать, вы сказали?—дремотно поднялъ синій глазъ принцъ.—Если говорить «распрягать», то рѣчь, надо думать, идетъ о каретѣ?

— Да, вы не ошиблись, со свойственной его высочеству тонкой прозорливостью! Рѣчь идетъ именно о каретѣ, въ которой вамъ суждено отправиться на сегодняшнюю мессу.

— Погодите, любезный не торопите, не на балъ спѣшить. А давно съ нимъ... это... приключилось?

— Съ кѣмъ?

— Да съ нимъ, съ нимъ же... Съ Валленштейномъ? Давно ли, я спрашиваю, онъ принялъ мирный сонъ по приказанію императора? Когда, короче говоря, посланные изъ дворца придушили этого человѣка? У меня память слабѣетъ.

— Давно, ваше высочество. И все-таки мы еще не перевалили за полторы тысячи мессе. Все еще, ваше высочество...

— Да... Какая досада! Религія мнѣ близка, такъ какъ мои жилы достаточно вымочены, любезнѣйшій Швейнигеръ, въ италіанской крови—пополамъ, впрочемъ, съ флорентинскимъ виномъ, но я не могу тысячи разъ преклонить колѣни, молясь хотя бы и о Валленштейнѣ... Я не виноватъ, чортъ возьми,—да помилуетъ меня Господь-Богъ!—не виноватъ, что его тамъ... прикончили. Онъ былъ недурнымъ полководцемъ и съ честью тридцать лѣтъ оберегалъ веселье и мо-

лодой задоръ нашей красавицы Вѣны отъ грузныхъ и глуповатыхъ притязаній врага. Я ничего не имѣлъ бы противъ... ста, скажемъ, мессе. Какъ вы глядите, на это, любезный?

— Н-дааа!..

— Вы сомнѣваетесь? Въ такомъ случаѣ, Швейнигеръ, извольте—пятьсотъ штучекъ, одна въ одну! Небу оставалось-бы только потирать руки. Пятьсотъ, не такъ ужъ мало, какъ хотите!.. Въ концѣ концовъ, за эгерскую ликвидацию герцога фридрихсбургскаго праведное небо не можетъ ужъ такъ много и жадно запрашивать, и между нами должно остаться мое мнѣніе: его величество хватилъ... какъ бы выразиться... хватилъ слишкомъ много. Онъ перероцилъ Валленштейна. А еще шушукуются при дворѣ, что императоръ черствъ и не умѣетъ цѣнить людей... О, нѣтъ!!

Принцъ, уставъ отъ словъ, расправлявшихъ морщинистый кадыкъ, ползавшій во время его рѣчи по кружевному вороту, опустилъ глаза и, тяжело дыша, сталъ терпѣливо, со старческой покорностью, набирать новыхъ силъ для дальнѣйшихъ рѣчей.

Придворный, облокотясь на высокую спину кресла шелковымъ локтемъ, тоже ждалъ.

Онъ самъ усталъ и ежедневныя мессы, покрывавшія торжественнымъ пѣніемъ загроможденные стоны бѣднаго полководца, порядкомъ прѣлились ему. Но ѣхать нужно было.

За играми и отдыхомъ, за кружкой вина королю не трудно было забыть о государственныхъ дѣлахъ и мессе король посѣщалъ, къ своему сожалѣнію, очень рѣдко. Вмѣсто него ѣздили близкіе по крови и знатные придворные.

Принцу приходилось, какъ старѣшему въ семьѣ, ѣздить неуклонно, и что ни утро у газоновъ крыльца въ италіанской блестящей упряжи топтались горячо немолодые, золотой масти кони, и голубая каретка, окрашенная подъ масть венгерскихъ горячихъ коньковъ, золотымъ разводами, вся шгофная внутри, съ букетиками желтыхъ маргаритокъ, всегда свѣжихъ и столь искусно воткнутыхъ за дверцы, что онѣ казались рисункомъ на штофѣ, ждала его высочество, дергаясь и мягко подпрыгивая на минахъ.

Три тысячи мессе!

Кони уже выѣздили отлично за это время и замѣтно постарѣли.

Принцъ подремалъ и со стономъ проснулся, жалобно съ просоной молвилъ:

— Проклятый Валленштейнъ... Все спится и спится... угораздило же его связаться съ врагами или просто-напросто возбудить справедливую, разумную зависть и ревность его величества... Три тысячи штучекъ—всѣ, какъ на подборъ! У меня сосетъ въ боку, какъ только вспомню, что карета везетъ меня не въ доброе мѣсто, гдѣ веселятся порядочные молодые, моего возраста люди, а туда—на очередную мессу. Какое свинство, да позволено мнѣ будетъ сказать и да проститъ мнѣ Дѣва Марія... Три тысячи!.. И ни одной скидки со счетов!..

Принцъ пошевелилъ ногой, похлопалъ себя по атласному кофѣну:

— Однако, я вижу, что надо собираться.

— Его высочество могли бы сказать—большимъ, недугующимъ! У васъ сегодня могли желчь или нервы быть... не въ порядѣ.

— Ахъ, Швейнигеръ, у васъ золотой умъ, но въ такихъ тонкихъ штукахъ, извините, и вашъ умъ никуда не годится. Если я не посѣщу этой проклятой говорю, вы понимаете меня, о мессѣ!—то мнѣ невозможно будетъ посѣтить и балъ у принца Альберта. Сегодня, впрочемъ, я далъ слово ея величеству посѣтить съ нею и дочерью индѣйскую хиромантку и оккультистку, удивительно предсказывающую все, что отъ нея тре-

— Ъхатъ?! — жалобно простоналъ принцъ и поднялъ кольцо, но не въ силахъ былъ его донести къ глазу.

— Ъхатъ, ваше высочество, да, ѡхатъ...

— Хорошо! — покорно прошепталъ принцъ, — подайте, любезный, мой парикъ, и не на тугихъ пружинахъ, потому что выстоять въ немъ два часа совсѣмъ невозможно.

— Я приказалъ ослабить въ новомъ парикѣ пружины. Вотъ онъ... Пудра у его высочества—подъ правымъ локоткомъ. Итакъ, ѣдемъ..

Голубая карета уносила мягко принца и Швейнигера по гладкимъ камнямъ, обрызганнымъ иѣжнымъ свѣтомъ привѣтливго неяркаго солнца.

Пѣли птицы въ сизой прохладѣ подстриженныхъ садовъ.

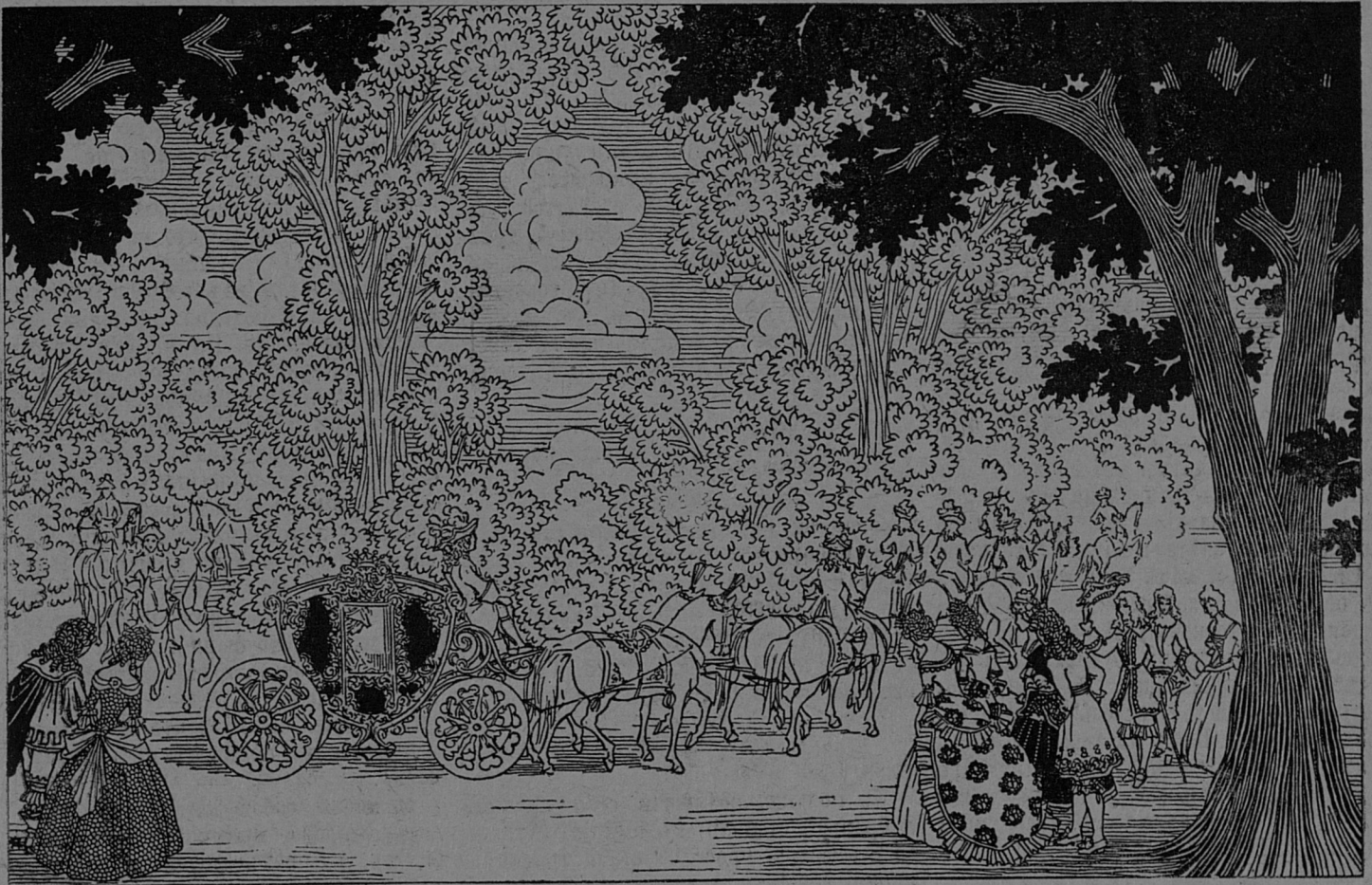
— Хорошо, милый. Идите сами, а я подремлю. Боюсь, что вы на-кар-та-ли и у меня, въ самомъ дѣлѣ, раз-ли-ва-ет-ся печень. Мнѣ, Швейнигеръ, совершенно необходимо соснуть и подкрѣпиться. Я чувствую это...

Придворный пожалъ плечомъ и пошелъ одинъ.

Издали, изъ-подъ каменныхъ сводовъ неслись молитвенныя протяжныя слова. Служили привычные люди привычную заупокойную мессу.

Отпѣвали то, что давно умерло, рассыпалось тѣломъ...

Швейнигеръ вскорѣ вернулся къ каретѣ, осторожно открылъ голубыя, въ золотѣ, двери и, увидѣвъ, что принцъ поживаетъ, шепнулъ кучеру, а тотъ—ѣздовымъ, и карета медленно покатилась обратно.

«...Голубая карета уносила мягко принца... Голова принца безжизненно покачивалась»...

буется... Хотѣлъ бы, чтобы почтенная мадрасская прорицательница сказала—на какой мессѣ небо застопоритъ и, какъ выражаются, въ милой Генуѣ—«отдастъ канатъ»...

И какъ тошно, на мессѣ! Охъ.. Триста вытянутыхъ рожъ камергеровъ съ «чернымъ ключемъ», триста—съ «золотымъ ключемъ»... Если бы на каждаго бездѣльника возложить по пяти мессъ, то весь урокъ предъ небеснымъ конклавомъ мы отбарабанили бы отъ пошедѣльника по пятницу.

Со всѣхъ сторонъ, подумайте, несутся жалобы. Решили шутить, что будетъ просить французскаго короля объ отозваніи, такъ какъ протеръ на мессахъ по Валленштейнѣ сто grossовъ шелковыхъ чулокъ.

— Однако, надо ѡхатъ!..

Дамы опускались предъ каретой съ золоченыхъ и костяныхъ носилокъ въ медленныхъ реверансахъ.

Но принцъ не видалъ ни голубого неба въ круглыхъ жемчужныхъ облакахъ, ни молодыхъ дамъ, полуприсѣдавшихъ у носилокъ, ни садовъ, ни чиркающихъ въ тѣни горластыхъ воробьевъ.

Голова принца безжизненно покачивалась и, казалось, отбивала число отслуженныхъ мессъ, отсчитывала съ иѣкоторымъ отвращеніемъ тайной пресыщенности количество молитвъ, уже вознесшихся. Буда слѣдуетъ.

Когда пріѣхали, Швейнигеръ зашепталъ:

— Ваше высочество... Ваше... Пріѣхали.

Глазъ принца не гаскрылся, а тихій едва прозвучавшій голосъ отвѣчалъ:

Только на пѣворотѣ, когда карету легонько встряхнуло, Швейнигеръ съ ужасомъ подхватилъ принца, положившаго плоско голову, въ пружинномъ парикѣ, на плечо придворнаго. Принцъ былъ мертвъ, и полторатысячная месса по Валленштейнѣ была первой мессой по немъ самомъ.

И лицо принца было такъ безмятежно, точно, услышавъ начало мессы, онъ сразу понялъ, что лучше, удобнѣе будетъ ему—на томъ свѣтѣ, гдѣ не нужно притворно предъ народомъ опускаться на колѣни, гдѣ нѣтъ убиваемыхъ полководцевъ, тридцатилѣтнихъ воиновъ, ханжества, гнилого веселія, почтительныхъ придворныхъ и гдѣ, вотъ что дороже и пріятнѣе всего, не нужно вести счета тысячамъ мессъ...

Л. Пасынковъ.

КОГДА ПРИШЛА СЕОФРАДА

Рассказ А. ДРОЗДОВА

1.

Ночи становились холодныя, сырыя, долги; дожди и вѣтеръ не позволяли выходить въ поле, а въ комнатахъ было скучно и тоскливо, и казалось, что скоро случится что-нибудь дурное. Ходило много тревожныхъ слуховъ о томъ, что въ уѣздномъ городѣ серьезные безпорядки, что окрестные крестьяне порѣшили жечь помѣщиковъ. Нилъ Назаревичъ, надѣвая высокіе свои, выше колѣнъ, сапоги, не разъ хаживалъ въ деревню; возвращался онъ спокойный, расходились косматые его брови и глаза свѣтлѣли, но все-таки дышалось тяжело и хотѣлось уѣхать туда, гдѣ широкія улицы, много свѣта и шумная толпа.

Съ тѣхъ поръ, какъ Катерина Львовна въ первый разъ забеременела, стала она нервничать и тосковать. По ночамъ, когда нилъ въ саду вѣтеръ, будила Нила Назаревича и, прижавшись къ его широкому плечу, теплому сквозь сорочку, тихонько плакала. Нилъ Назаревичъ зажигалъ свѣчу; красный язычокъ прыгалъ и коптилъ, фитиль потрескивалъ, и казалось, что подъ потолкомъ, распахивая крылья, мечутся темныя безшумныя совы.

— Нилъ,—тихонько всхлипывая говорила Катерина,—мнѣ больно, я что-то потеряла. Нилъ, ты мнѣ измѣняешь.

Пряча руки подъ ворсинистое одѣяло, Нилъ Назаревичъ успокаивалъ ее неумѣлыми словами. Катерина Львовна садилась на постели, прыгающій сумракъ лизалъ ея голыя плечи и руки, теплыя и безпомощныя.

— Мнѣ страшно,—говорила она, глядя на огонь большими остановившимися глазами,—мнѣ страшно родить, Нилъ. Я навѣрное умру.

Она ложилась въ подушки, закидывая за разметавшіяся волосы руки, и Нилъ чувствовалъ рядомъ ея непокойное, вздрагивающее тѣло, такое любимое, такое «свое». Подъ одѣяломъ онъ отыскивалъ ея руку и грѣлъ въ ладоняхъ пальцы ея, самъ чуть не плача отъ нѣжности и любви.

— Тебѣ надо уѣхать,—разсуждалъ онъ вслухъ,—поѣзжай въ Москву, къ

брату. Все-таки тамъ веселѣй и меньше вздорныхъ слуховъ. А мнѣ нужно продать хлѣбъ.

Но она покачивала головою: развѣ она оставитъ его здѣсь, въ глуши, среди крестьянъ, которые собираются жечь помѣщиковъ? Она же изведется вся, сойдетъ съ ума тамъ, въ Москвѣ, думая о немъ день и ночь. Нѣтъ, нѣтъ, она не поѣдетъ... Онъ же самъ говоритъ, что ничего нѣтъ опаснаго, что мужики ему доверяютъ. Когда продадутъ хлѣбъ, они уѣдутъ все вмѣстѣ: Нилъ, Катерина и старая нянюшка.

— Ну, хорошо, ну, хорошо,—соглашался Нилъ,—спи, роднуша, кисанька моя, лебедушка...

А она говорила:

— Слышишь, какъ вѣтеръ свиститъ? И темно-темно... Въ саду теперь на дорожкахъ листья прилипли къ землѣ, а въ полѣ пашни вязкія и мокрыя. А намъ подъ одѣяломъ тепло-тепло. И сыночку нашему тепло-тепло. Спи, мой сыночекъ, спи, неразумный мой, спи...

2.

Къ полудню, подмывая себя криками и бранью, пришли въ имѣніе мужики. Сбѣжалъ дождь, проселки стали тряскими, а они все-таки пришли въ сапогахъ, зимнихъ кацавейкахъ, въ потертыхъ шапкахъ. Сгрудившись у крыльца, стали кричать, чтобы выходилъ Нилъ Назаревичъ. Терпѣйся въ толпѣ узкогрудый и тонконогій солдатъ съ запосчивымъ лицомъ и слюнявыми губами крикнулъ:

— Довольно кровушки нашей попили!

Толпа заволновалась, взметнулись вверхъ скрюченные и грязныя руки, посыпалась голова:

— Буя!

— Доколотъ же терпѣть васъ?

— Выходи, поеда миромъ просимъ!

Заслышавъ крики, Нилъ Назаревичъ подошелъ къ окну. Толпа напирала на крыльцо, въ мутной пеленѣ дождя лица мужиковъ и мокрыя ихъ кацавейки казались сѣрыми, однотонными. Вдругъ, поблѣднѣвъ, Нилъ Назаревичъ сталъ стаскивать съ плечъ своихъ персидскій голубой халатъ, пугаясь въ рукавахъ и шелковой лоснящейся тесьмѣ. Потомъ онъ поѣзжалъ одѣться, надѣлъ кожаные

сапоги, подваченную охотничью куртку и, стараясь не гремѣть сапогами, кинулся къ двери. Уже сбѣгая по внутренней лѣстницѣ внизъ онъ вспомнилъ, что не знаетъ, зачѣмъ пришли мужики. Отсюда, изъ коридора, гулъ ихъ голосовъ слышался явственный и походилъ на шумъ огромныхъ жернововъ. На минуту сбѣлалось жутко. Передъ выходной дверью онъ перекрестился, нащупалъ въ карманѣ револьверъ и ступилъ на крыльцо.

Голоса стихли; Нилъ Назаревичъ увидѣлъ рядъ лицъ и призналъ ихъ: призналъ мужика Терентія изъ сосѣдней деревни, которому лѣтомъ давалъ косилку, десятикаго Ивана и еще многихъ. Это его обрадовало. Но тотчасъ же испугало выраженіе ихъ лицъ и пристальные взгляды; они не были гнѣвны или яростны, но въ нихъ пряталось тупое, какъ дерево, упрямство, и, почувствовавъ это, онъ вдругъ понялъ, что все потеряно, и мужики не повѣрятъ ни единому его слову.

Овладевъ собою, онъ проговорилъ:

— Здорово, мужики! Что скажете?

Онъ услышалъ поднявшійся гулъ и снова не уловилъ словъ. Какъ-будто подхватили его эти крики, подняли верхъ и вдругъ опустили.

Пронзительный голосъ изъ середины толпы закричалъ:

— Куды князя сокрылъ? Сказывай!

Стараясь перекричать голоса, Нилъ Назаревичъ отвѣтилъ:

— Какого князя сокрылъ? Когда? Чего вы, дурни, взбѣсилась?

— Это допрежь были дурни, нынче воля!

— Чего съ нимъ разговаривать, вали спой!

Продравшись плечомъ, выступилъ впередъ челонокъ въ солдатской шинели; лицо его было косо и желто; вскидывая вверхъ глазами, онъ быстро мелькалъ бѣлками. Казалось, онъ не умѣлъ говорить иначе, какъ крикомъ.

— До насъ, стало быть, дошло, что покрылъ ты у себя сосѣдняго помѣщика. Какъ онъ приверженецъ стараго строя, должны мы его заарестовать, а не нѣтъ?

Иллюстрация М. РАДКОВСКАГО.

— Пить у меня никого, — развел руками Нилъ Назаревичъ, но тотчас же стали на него напирать мокрые зипуны.

— Прятаешь! Подай отъ всѣхъ амбаровъ ключи!

— За одно съ нимъ! Одна кровь!

— Братцы, — вымолвилъ Нилъ Назаревичъ, въ отчаяніи сядя на крыльцо, — не сонъ-ли это? Не шутка-ли? Терентій, слушай, ономинись... Не у тебя-ли въ избѣ я квасъ пилъ? И ты, Власть, вѣдь у тебя я ребенка крестилъ. А косилка моя до сихъ поръ у тебя въ рыгѣ стоитъ. Братцы, съ чего вы это?..

Но опять кричали голоса, сталкиваясь въ воздухѣ, метались и прыгали, какъ озорныя птицы. Стало мутнѣть въ глазахъ: и кричащая толпа, и слюдовое небо надъ ней, и заслезенныя крыши построекъ. Нилъ Назаревичъ поднялся и пошелъ къ себѣ на верхъ за ключами. Вспомнилъ Катерину и вдругъ, забеспокоившись, кинулся бѣгомъ.

Катерина стояла у стола, въ гостиной, испуганная и тихая; изъ широкихъ рукавовъ капота выпростались ея тонкія руки, прижатая къ мягкой ірудѣ, кольцовыя серьги въ ушахъ подрагивали.

— Что тамъ они? — спросила она невнятно, едва размыкая губы. Но, не дождавшись отвѣта, уронила взглядъ на его плечи и промолвила:

— Ты весь мокрый, простудился.

— Такъ пустяки, — отвѣтилъ онъ, избѣгая ея взгляда и тиская руки, — а пойду сейчасъ съ ними, покажу имъ... Молотилку хотѣть посмотреть, ту новую...

Она спросила, откинувъ назадъ руки, внимательная и послушная:

— Почему же они кричать?

— Перепились, складъ разграбили. Не волнуйся же, тебѣ вредно. Не забывай, что тебѣ вредно.

Онъ подошелъ къ столу и вынулъ изъ ящика ключи. На полу онъ оставлялъ мокрые слѣды. Потомъ, обернувшись, пошелъ къ двери.

— Нилъ! — остановила его Катерина.

Она подняла скрещенныя руки къ лицу, прижалась щекою къ холодной и узкой своей кисти.

— Нилъ, мнѣ страшно!

Подбѣжавъ, онъ поцѣловалъ ее въ губы, заглушивъ рвавшійся крикъ, и, не глядя, выбѣжалъ въ дверь. Створки взмахнулись со скрипомъ и плотно сомкнулись.

— Нилъ, Нилъ, — повторила въ отчаяніи Катерина, подошла къ окну и легла грудью на подоконникъ. Водяные

пупырышки ползли по стекламъ, подоконникъ былъ холодный и жегъ тѣло черезъ ткань капота. Во дворѣ Катерина Львовна увидѣла толпу, подвигавшуюся къ калиткѣ — въ серединѣ шелъ Нилъ. Онъ былъ выше всѣхъ, плечи его приходились вровень съ шапками мужиковъ, а открытую голову его съ растрепавшимися волосами съхъ дождь.

«Простудится», въ страхѣ подумала Катерина, пряча глаза въ голыя свои руки, и, чувствуя дурноту, оторвалась отъ подоконника и побѣжала искать воды.

Вечеромъ на кухню прибѣжала конюхъ, лицо его было блѣдно, съ красными пятнами на щекахъ, а глаза были выпучены, какъ у зайца. Дохнувъ нѣсколько разъ, онъ сѣлъ на табуретъ, схватилъ себя за затылокъ, потомъ за носъ, потомъ ударилъ кулакомъ по колѣну и, наконецъ, сказалъ, что барина

выходила четыре дня и впускала къ себѣ только старую нянюшку.

Братъ Нила ходилъ отъ окна къ окну, смотрѣлъ на голыя макушки деревьевъ, на караваны сентябрьскихъ синихъ облаковъ и говорилъ, кура пахучій кеппенъ:

— Варвары! Ужасъ! Темнота!

Въ скучный день, когда вставали уже съ полей первыя тѣни сумерекъ, Катерина Львовна выпла въ садъ; на ней было длинное пальто изъ шоколаднаго драпа, красныя мелкія калоши и на головѣ темный шитый платокъ; медленно и грустно ступала она по дорожкѣ, слегка раскачиваясь плечами вправо и влево, держа руками безъ перчатокъ незастегнутый свой воротъ. Братъ Нила увидѣлъ ее изъ окна и, накинувъ на плечи пальто, вышелъ въ садъ.

— Ахъ, это вы, Александръ, — тихо проговорила Катерина Львовна, идя рядомъ и касаясь его плечомъ. — Если бы вы знали, какъ я скучаю! Такая тоска жить въ разлукѣ.

Онъ отвѣтилъ:

— Вамъ нужно уѣхать со мной въ Москву, развлечься. Я введу васъ въ кругъ искусства. Повѣрьте мнѣ, искусство тамъ хорошо согрѣваетъ осиротѣвшія души. Мы пойдемъ съ вами въ Художественный театръ посмотрѣть печальнаго Чехова, потомъ мы пойдемъ въ картинныя галлерей...

— Это лишнее. Я лучше подожду Нила.

Онъ слегка замедлилъ шаги, на усталомъ бритомъ лицѣ его проступилъ румянецъ жалости.

— Моя славная Китти, все таки мертвые не возвращаются къ жизни.

— Какой вздоръ вы говорите, — проговорила Катерина съ досадою, — неужели вы хотите заставить меня повѣрить этому вздору? Нилъ пошелъ показывать мужикамъ молотилку.

Они сѣли на лавочку, источенную муравьями; отъ дождей доска стала черной, съ края прилиплъ къ ней скользкій слизень.

— Вы мнѣ не вѣрите?

Въ ея голосѣ чуть замѣтно задрожали слезы.

— Александръ...

— Я вамъ вѣрю, — сказалъ Александръ, боясь, что она заплачетъ. — Возьмите себя въ руки. Въ наше жестокое, кровавое время нужно уметь владѣть собой.

Ворвался съ поля вѣтеръ и сталъ дуть со свистомъ и уханьемъ, словно тамъ, въ черныхъ поляхъ, дышали и скрипѣли огромные мѣха. По дорожкѣ бѣжали стрѣльчатые слѣды вороньихъ лапъ.

— Это ужасно, — промолвилъ Александръ. — Варвары! Что имъ революція, что имъ свобода! И чему вы смѣтаете, Китти?

«...Продравшись плечомъ, выступилъ впередъ человекъ въ солдатской шинели; лицо его было косо и желто; вскидывая вверхъ глазами, онъ быстро мелькалъ бѣлками. Кажется, онъ не умѣлъ говорить иначе, какъ крикомъ...»

порѣшили мужики, а тѣло утопили въ рѣчкѣ. Въ домѣ поднялась бѣготня. Старая

же нянька, мудрая и сильная волей, помолясь за упокой души, отдала наказъ, чтобы барыня никто допрежъ нея ничего не сказывалъ, поправила на сѣдыхъ своихъ волосахъ платокъ и пошла въ комнату, поминая засохшими губами Заступницу Приснодѣву.

3.

Барина не поймали въ рѣчкѣ. Изъ Москвы прѣхалъ его братъ, но онъ выросъ въ городѣ, болѣе промочить ноги, не умѣлъ говорить съ мужиками и носилъ лакированныя ботинки съ замшевыми гетрами. Онъ не сумѣлъ даже утѣшить Катерину Львовну, которая, затворяясь въ комнату своей, не

«...Александръ, споря съ вѣтромъ, съ трудомъ дошелъ до Катерины и схватилъ ее за руку...»

«Чему она смѣется? Такой шутникъ Нилъ!.. Это онъ нарочно подстроилъ, чтобы пришли мужики. Онъ гдѣ-нибудь здѣсь, вблизи, за воротами, можетъ быть, въ полѣ, стоитъ и смѣется надъ ней, какъ она мучится. Онъ мститъ за то, что она ревнуетъ. Какой шутникъ Нилъ!».

— Не смѣйтесь, — говоритъ Александръ, — ради Бога не смѣйтесь, Китти. Вашъ смѣхъ неприятенъ и жутокъ. Я не понимаю Россіи, я не понимаю васъ, все перевернулось вверхъ дномъ, все идетъ по иную. Завтра же мы уѣдемъ въ Москву.

4.

Ахъ, какой ливень поднялся ночью! Вотъ почему была у конуры собака: вѣроятно, дождь сбилъ на ея спину всю шерсть, а тюфякъ ея сталъ скользкимъ и холоднымъ. Вѣтеръ сорвалъ ставни съ привязей и они оглушительно стучали о стѣны.

Александръ не могъ спать; отбросивъ шуршащій листъ газеты, сидѣлъ онъ на постели, ни о чемъ не думая, испытывая тоску по Москвѣ и привычной жизни.

Вотъ вѣдь какой ливень на улицѣ!..

Скоро неожиданные звуки стали примѣшиваться ко вздохамъ вѣтра, къ шуму бури, скребущей по крышамъ: эти звуки были мелодичны и нѣжны, какъ будто тонкій женскій голосъ мурлыкалъ колыбельную.

Это Катерина играла на цитрѣ.

Старую, съ перламутровой мозаикой на ребрахъ, цитру эту давно замѣтилъ Александръ, слоняясь по комнатамъ. Александру стало не по себѣ, онъ подвизалъ у зеркала свой широкохвостый галстухъ

и пошелъ въ комнаты. Однако, мягкій переливъ струнъ утихъ. Раствѣрнувъ высокую и тяжелую тесаную дверь въ гостиную, Александръ увидѣлъ Катерину, сидѣвшую въ креслѣ, у стола, въ бѣломъ ночномъ капотѣ. Изъ-за портьера спальни крался мѣдный свѣтъ ночника, настолько зыбкій, что коверъ, на который клалъ онъ тихія свои положы, казался тѣлѣющимъ. Приподнявшись, Александръ глядѣлъ, какъ Катерина, откинувъ полы халата и нагнувшись, снимаетъ съ ногъ чулки. Остановясь въ растворенной двери, онъ съ изумленіемъ за нею наблюдалъ. Открылись сухія икры, широкія, бѣлыя ступни. Сбросивъ чулки, она встала и неровнымъ шагомъ пошла ему навстрѣчу; ея глаза, какъ-будто невидящія, мутнѣли пятнами на неподвижномъ и блѣдномъ лицѣ. Не замѣтивъ его, Катерина прошла въ коридоръ и вдругъ бѣгомъ кинулась къ двери на террасу. Мелькнула бѣлая рука, налетѣвшая на ручку, потомъ вѣтеръ съ остревѣлымъ свистомъ распахнулъ стеклянную дверь, и тотчасъ же брызги дождя омочили противоположную стѣну. Вобравъ голову въ плечи, Катерина выбѣжала на балконъ.

Это было столь неожиданно, что Александръ долго не могъ сообразить, въ чемъ дѣло. Колѣблемыми шагами онъ подбѣжалъ къ балконной двери; было нестерпимо стоять здѣсь подъ порывами вѣтра; казалось, самъ дьяволъ кружится въ ночи въ безшабашномъ и разгульномъ танцѣ.

— Китти, это сумасшествіе! — крикнулъ онъ во мракъ.

Онъ увидѣлъ ее стоящей у деревянныхъ балюсъ; порывистыми движе-

ніями она растегивала на груди капотъ, вѣтеръ и дождь били ее по обнаженнымъ плечамъ. словно въ танцѣ, она быстро кружилась, голыми ногами, скользя на мокрыхъ доскахъ; ее, кажется, душилъ смѣхъ.

— Китти, Китти, — повторялъ Александръ, споря съ вѣтромъ; съ трудомъ онъ дошелъ до Катерины и схватилъ ее за плечи; она стала выбиваться изъ его рукъ, причитая:

— Нѣтъ, нѣтъ, не держите меня, ради Бога, Нилъ измѣнилъ мнѣ, Нилъ не вернулся!..

— Вы схватите воспаленіе легкихъ, — говорилъ Александръ, — очень сыро, и смотрите, какой дождь...

— Пусть я простужусь и пусть умру. И пусть умретъ мой сынъ. Затѣмъ намъ жить, нелюбимымъ?..

— Это же безумно! — повторялъ Александръ, чувствуя, что слова его грубы. — Что мнѣ тутъ дѣлать съ вами? Вы здѣсь дикіе и нелѣные, мнѣ жутко у васъ, я не останусь въ вашемъ домѣ ни одной лишней минуты.

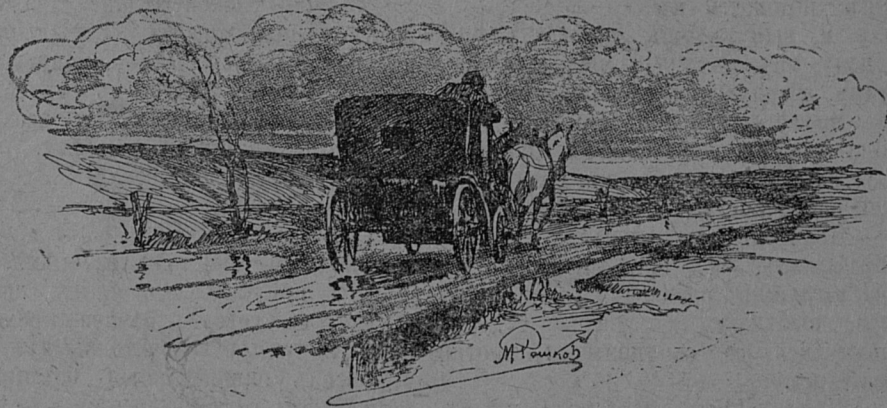
Она ослѣпила его, вырвалась и, войдя въ коридоръ, стала выкликать что-то безсвязное и плачущее. Ахъ, какой ливень былъ въ ту ночь! Съ помощью прислуги водворилъ Александръ Катерину въ спальню, а черезъ минуту разсѣлся вѣтеръ, что Катерина сошла съ ума. На нераскрытой постели сидѣлъ Александръ въ отдаленной комнатѣ своей и углубленно смотрѣлъ на свѣчу; хлопали ставни, какъ выстрѣлы пушекъ, и казалось, что въ саду, на размякшей землѣ, ворочается чье-то огромное косматое тѣло. Ахъ, какой ливень былъ въ ту ночь!..

5.

Расхлябанный тарантасъ, проваливаясь въ ухабины, медленно ползъ къ станціи; унылыя и скучныя лежали поля. Межъ старой пиянкою и Александромъ сидѣла помѣшанная Катерина и тихо смѣялась своимъ мыслямъ.

Кутался въ широкій клешъ, тѣснѣ стягивая на шеѣ цѣнное кашне, съ отрадою думалъ Александръ о Москвѣ, объ изящномъ томикѣ стиховъ Верлена, который оставилъ онъ на письменномъ столѣ своемъ, раскрытымъ на девятнадцатой страницѣ.

Александръ Дроздовъ.

«...Расхлябанный тарантасъ, проваливаясь въ ухабины, медленно ползъ къ станціи; унылыя и скучныя лежали поля...»

Разстрѣлъ безъ слѣдствія и суда въ г. Солигаличѣ, Костромской губ.

Короткая экскурсія красногвардейцевъ, прибывшая въ тихій, захолустный Солигаличъ, произвела массу обиды и злости. Г-черомъ, какъ сообщаютъ „Власть Народа“, 70 красногвардейцевъ съ пулеметомъ явились въ г. Раюу. Тамъ арестованнымъ, кого фамилію выкрикали, приказано было выходить во дворъ, а тамъ показаны сѣны въ палаты и шуры. Затѣмъ они были выведены за ворота тюрьмы и поставлены плечомъ къ плечу вдоль сѣны. Всѣ злѣлы собою, какъ передаетъ очевидецъ, кроме одного, который и плакалъ. Всѣ безпрекословно заняли свои мѣста. Противъ нихъ былъ установленъ пулеметъ. Застрѣлъ пулеметъ, и рядъ с-алъ пасть. Упали все двадцать, но не все были мертвы. Затѣмъ тѣла были свалены на пожарныя сани и отезены въ бол-

ничный сарай. Утромъ, съжавшіе къ тюрьмѣ родственники арестованныхъ, увидели, что вся дорога отъ тюрьмы до больницы покрыта к-ошью. Прибыли пожарныя полводы, чтобы отвезти тѣла на кладбище. Тутъ нѣкоторые изъ родственниковъ погнѣшихъ были допущены къ с-раву. Тѣла оказались безъ ожога, въ изорванномъ нижнемъ сѣльѣ, сплошь залитомъ кровью. Они были навалены въ ку-у, одно на другое. Въ выдѣ тѣла было много. Среди разстрѣлянныхъ: с. Іосифъ Смирновъ, въ политической жизни не участвовавшій, священникъ Влади-миръ Ильинскій 75 лѣтъ, со мной лѣвомъ Іванъ Кастерскій 69 лѣтъ, директоръ реальнаго училища Н. І. Виногра-довъ, А. П. Капустина и др. лица, пользовавшіеся прекрасной репутацией и уваженіемъ среди мѣстнаго населенія.

Къ Свѣту и Знанію.

(О немногомъ хорошемъ въ Петроградѣ).

По порученію „Огонька“ очеркъ А. А. и фотографіи М. Антокольскаго.

Готовятся въ монтеры

Практическія занятія въ одной изъ собственныхъ лабораторій.

I.

Позорна и пелѣча пляска уродливыхъ гримасъ, выявленныхъ революціей...

Всѣ эти университетскіе сторожа (Саратовъ), требующіе представительства въ совѣтъ профессоровъ, курьеры, не разрѣшающіе покупки необходимыхъ для занятій машинъ и приборовъ (Пѣтргр. женскій политехникумъ...), николаевскіе крестьяне, преподносящіе черезъ волостной комитетъ невѣдомому, увы, Россіи фельдшеру Гурылеву «званіе врача» («потому—народная власть все можетъ»), наконецъ, свѣженспеченные и абсолютно ужъ, кажется, ни съ чѣмъ несравнимые ставропольскіе и калужскіе «совѣты министровъ» подъ предсѣдательствомъ стрѣлочниковъ и токарей по металлу,—всѣ они, право же, не столько смѣшны (гдѣ ужъ тутъ!), не столько отвратительны, какъ жалки, жалки до безысходности...

Не злоба, не ненависть, а досада безмѣрная и безграницная охватываетъ всего, какъ подумаешь, что нѣтъ, вотъ, у тебя силъ и возможности взять—этакъ потихоньку, мягко, да деликатно портфель у какого нибудь ставропольскаго премьеръ-министра и замѣнить его вѣжливо, да твердо семикопѣчнымъ сытинскимъ букваремъ...

Но на ряду съ этими гримасами есть и улыбки свѣтлыя и веселыя...

Да—улыбки...

Какъ никогда потянуло, наконецъ, къ свѣту лучшихъ изъ многомилліонной семьи трудовой русской демократіи...

И тотъ, кто живетъ въ Петроградѣ не первый годъ, долженъ былъ замѣтить это...

Присмотритесь!.. Когда, въ самомъ дѣлѣ, улицы столицы бѣлѣли этими десятками, если не сотнями тысячъ бѣлыхъ листковъ, зовущихъ усталый трудовой людъ вспомнить о главномъ, чего не дала старая, такъ рьяно оберегавшая тьму, Россія. Десятки общеобразовательныхъ и специальныхъ курсовъ, открывшихся за послѣднее время, являются тѣми ячейками, куда хлынули вонистину лучшія силы молодой столичной демократіи... И, если можно спорить о постановкѣ дѣла и добросовѣстности нѣкоторыхъ изъ нихъ, то ужъ никакихъ споровъ не можетъ быть о желаніяхъ, мечтахъ и стараніи самихъ ихъ питомцевъ... Силою и рядомъ это—сама жажда къ свѣту, самъ порывъ къ неизсякаемо-прекраснымъ, вчера еще недоступнымъ далямъ...

II.

Яркими огнями залиты всѣ пять этажей одного изъ большихъ домовъ на углу Малаго и Гатчинской... Сотни людей переполняютъ лѣстницы, корри-

доры, спѣшать по звонкамъ въ классы, приходятъ и расходятся...

Солдаты, рабочіе, матросы, магазинныя барышни, конторщицы—вся эта многочисленная армія, явившаяся сюда изъ казармъ, отъ станковъ и прилавковъ, пришла учиться... И учиться не «углубленіямъ революціи», не экстравагантнымъ способамъ разрѣшенія социальныхъ проблемъ, а четырьмя правилами арифметики, грамматикѣ да географіи... Здѣсь тоже есть политика, (потому что гдѣ же теперь безъ нея обойтись?), но нѣтъ и тѣни той оголтелой демагогіи, которая заполнила демократическую улицу... Противники выслушиваются спокойно, корректно—отъ звонка до звонка, а тамъ—при первомъ же звукѣ колокольчика и большевикъ, и меньшевикъ сидятъ уже мирно за одной партіей, занятые отысканіемъ острова Цейлона и Австралійскихъ Альпъ...

Не за демагогіей и дешевыми лозунгами пришли сюда эти уставшіе, утомленные рабочимъ днемъ люди, а за правдой, свѣтомъ и знаніемъ... Самое лучшее, самое драгоценное право взяли они отъ свободы—право учиться... И, глядя на нихъ, мучительно хочется вѣрить въ здравый умъ и сокровенныя силы русскаго трудового пролетаріата. Хочется вѣрить, что не все еще отравлено ядомъ огульно-безшабашнаго отщепенія, что есть еще «порохъ въ поро-

ховницахъ», что заговорятъ когда-нибудь скорбнымъ языкомъ русскаго интеллигента и этотъ серьезный солдатъ, и этотъ измученный рабочий и даже этотъ кронштадтскій матросъ... Потому что: съ ихъ настойчивостью, съ ихъ стараніемъ дойти и до университета въ наши дни больше чѣмъ возможно...

III.

Электротехническіе курсы... Самые шумные, самые многолюдные, самые разношерстные...

— Только три мѣсяца...— рассказываетъ одинъ изъ преподавателей...— какъ мы открыли ихъ, а уже нѣсколько разъ приходилось прекращать запись... Лабораторіи электротехническаго института, гдѣ у насъ происходятъ практическія занятія, не въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ... Занимаемся теперь въ двѣ сѣбны—днемъ и вечеромъ... Завели собственныя лабораторіи... Работа кипитъ во всю... Общее число слушателей превышаетъ сейчасъ 500 человекъ...

Интересно, что роковая бе работница и безвыходное положеніе офицерства и чиновничества привели сюда массу людей, никогда въ жизни не помышлявшихъ быть ни монтерами, ни электротехниками...

Въ числѣ слушателей младшаго монтернаго отдѣленія рядомъ съ солдатами и рабочими числятся шагбъ и

оберъ-офицеры, видные чиновники и даже лица, несшія когда то вице-губернаторскія обязанности... Нужда всѣхъ сблизилась и въ канцелярии курсовъ не удивляются уже, когда на вопросъ объ образовательномъ цензѣ кандидата въ монтеры слѣдуетъ сдержанно-спокойный отвѣтъ:

— Генералъ-маіоръ бывшей арміи...

Только легкая судорога въ уголкахъ губъ говоритъ о тяжелой драмѣ поступившаго...

IV.

Рѣзко измѣнилась физіономія и общеобразовательныхъ курсовъ... Мѣсто вчерашнихъ маменькиныхъ сынковъ заняли степенные, нерѣдко бородатые люди...

Можно съ увѣренностью сказать, что никогда въ Петроградѣ не готовилось сразу столько народа за 4 класса гимназій, какъ сейчасъ...

«Четыре класса»—это, вѣдь, только первый этапъ... Первый и самый, притомъ, трудный... А тамъ шесть, восемь классовъ—университетъ, политехникумъ!..

— Вы не можете себѣ представить,— рассказываетъ преподаватель «Науки»—однихъ изъ наиболее солидныхъ теперь столичныхъ курсовъ—что значать для всѣхъ этихъ людей эти четыре класса... Заповѣдная мечта... Цѣль жизни... И надо посмотрѣть съ какой настойчивостью, съ какой энергіей они стре-

мятся къ ней... Особенно женщины... Между прочимъ, въ скоромъ времени мы собираемся открыть I-й общенародный институтъ для подготовки—при годичномъ курсѣ—помощниковъ въ ачей... Въ связи съ эпидеміями, которыя грозятъ Россіи, необходимость въ такихъ людяхъ становится чрезвычайной... Можно не сомнѣваться, что женщина и здѣсь будетъ одной изъ первыхъ...

Вообще отзывы о женщинахъ всюду исключительно хорошіе.

Русская демократія превзошла здѣсь самыя смѣлыя ожиданія...

Ярче всего это сказывается на такъ называемыхъ «Просвѣтительныхъ курсахъ» (для малограмотныхъ), гдѣ за четыре мѣсяца столичные дѣвушки и женщины, сплошь да рядомъ едва умѣвшія при поступленіи держать перо, обнаруживаютъ блестящія способности и цѣлыми группами переходятъ на гимназическія отдѣленія...

Часто тратятся на это послѣднія, тяжелыя трудомъ заработанныя крохи, но... какъ не отдать ихъ когда:

— Я высчитала, что къ 28 годамъ сдать на аттестатъ и въ 33 окончу «медицинскій»...

Это... Это—отъ прилавка-то захудалой рыночной «галантерейки»...

Чудныя мечты... Весеннія сказки...

Прекрасныя улыбки страшныхъ годовъ, кошмарной эпохи.

А. А.

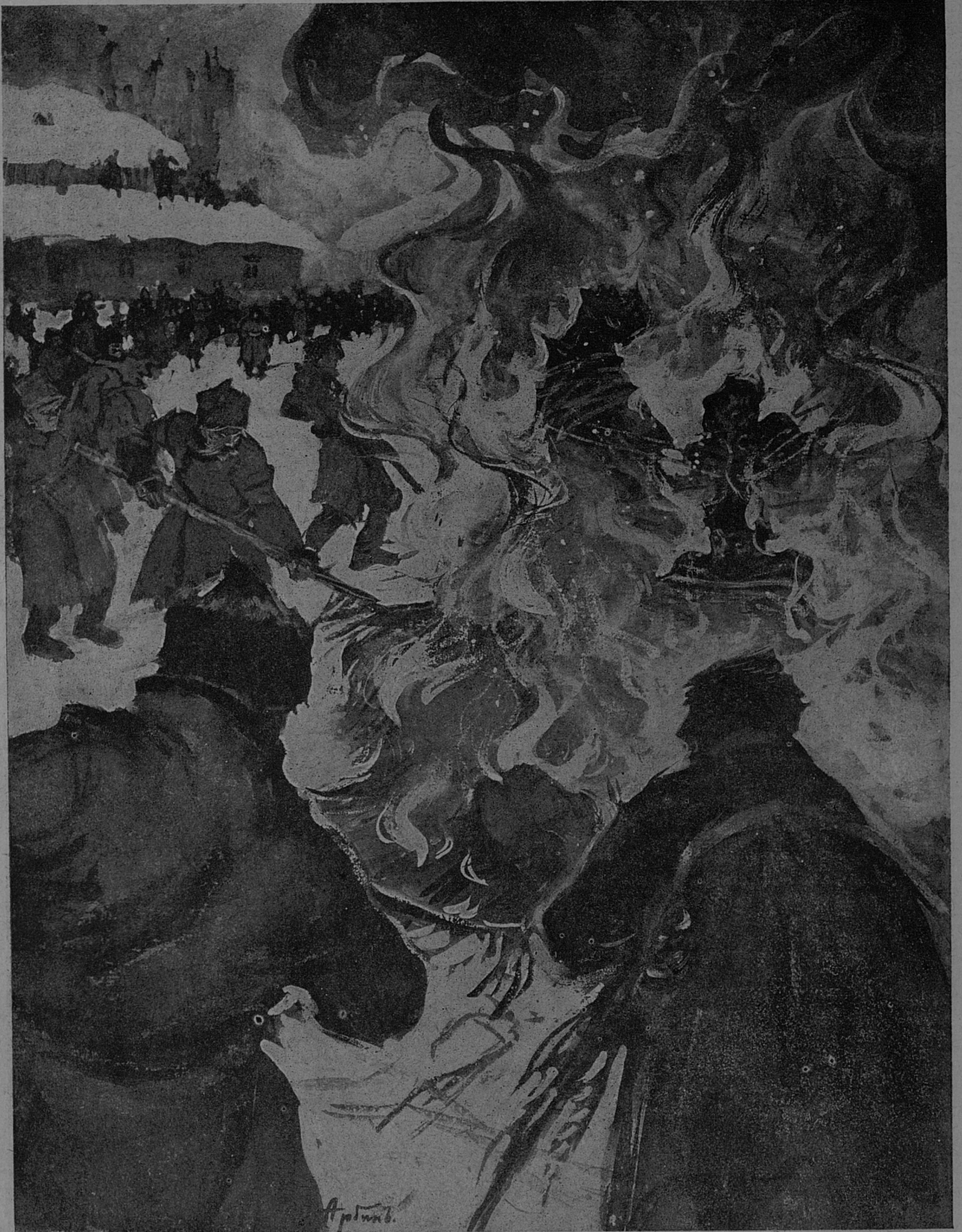

Держать экзаменъ по математикѣ за 6 классовъ гимназіи.

На первой скамьѣ слева солдатъ, рабочій и матросъ, за ними солдаты и т. д.

Ужасы современной России.

Рисунок для «Огонька» худ. О. АРБИНА.

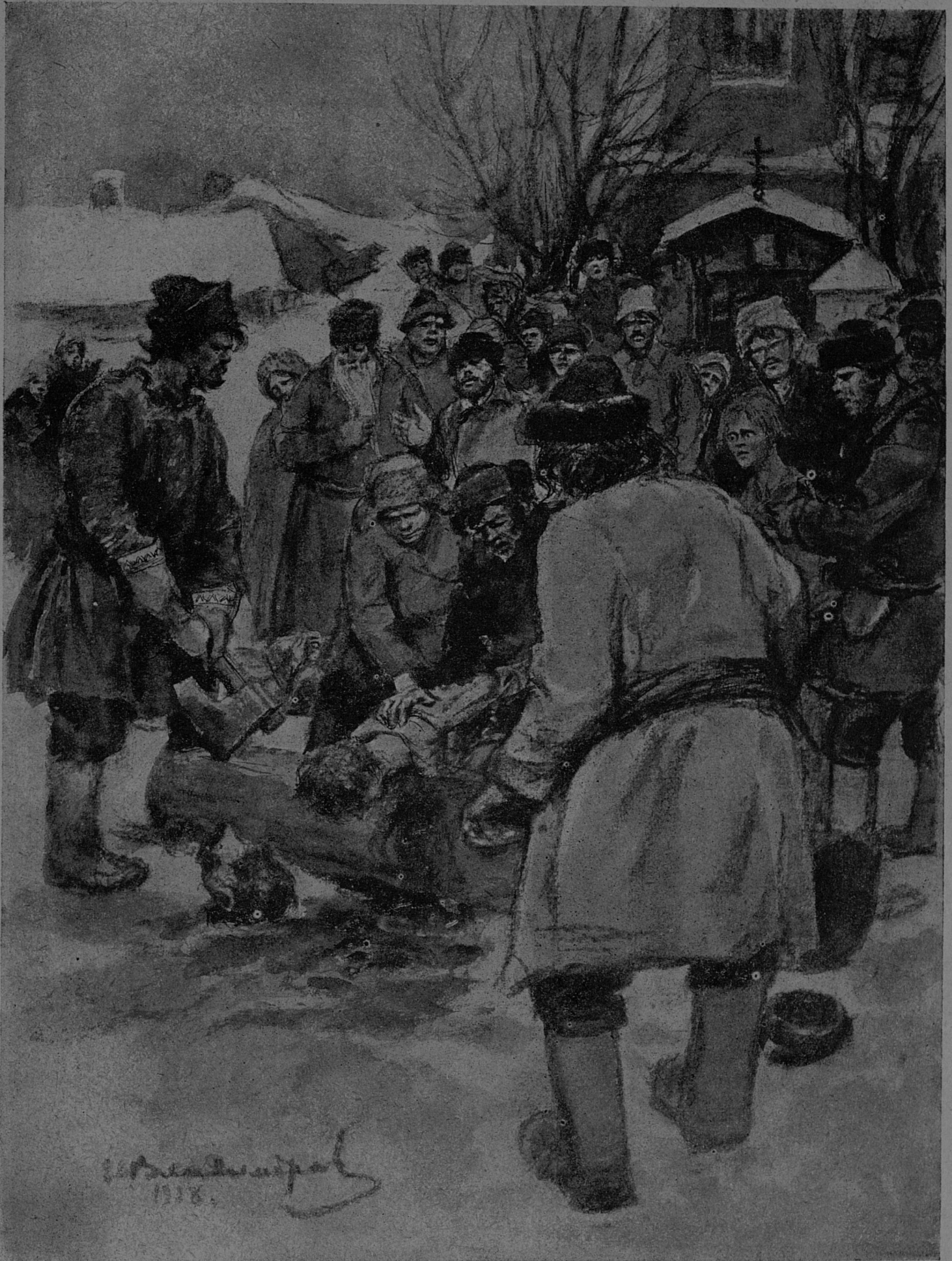
Средневековая казнь через сожжение на костре в 1918 г.

„Въ Свяжскомъ уѣздѣ по постановленію схода на костръ сожжены четверо крестьянъ. Казнь состоялась въ присутствіи всей волости“...
(Газетная телеграмма).

Съ трепетомъ и содроганіемъ мы поручили нашимъ талантливымъ сотрудникамъ-художникамъ воспроизвести кистью содержаніе сухихъ газетныхъ замітокъ, полныхъ неслыханнаго ужаса, но уже ставшихъ простой хроникой русскаго дня. Съ глубокимъ волненіемъ исполнили живописцы свою задачу. Пролитая обезумѣвшими людьми кровь вопіетъ къ небу. Пусть эти мрачныя страницы еще разъ напомнятъ всѣмъ, всѣмъ, до какихъ безднъ мрака упало теперь народное сознаніе и сколько свѣта, сколько беззаветной любви должны принести всѣ мы, чтобы снова зацвѣли недавно еще мирные города и тихія нивы...

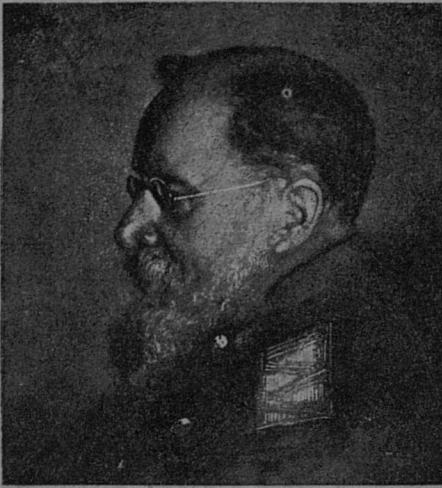
Ужасы современной России.

Рисунок для «Огонька» худ. И. ВЛАДИМИРОВА

Средневековая казнь через отсечение головы в 1918 г.

„В казанском уезде город Казань на соборной площади состоялась казнь четырех подростков, уличенных в краже. Трех в присутствии многочисленной толпы отрублены головы. Четвертому разломлена череп. По постановлению суда четвертый должен был быть подвергнут пытке“
(„Пет. Эхо“)

Композиторъ Цезарь Кюи.
(† 14 марта 1918 г.).

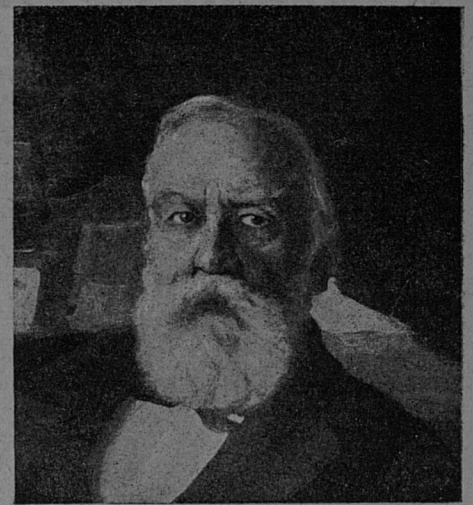
14 марта въ Петроградѣ послѣ непродолжительной болѣзни скончался, 84 лѣтъ, одинъ изъ выдающихся русскихъ композиторовъ Цезарь Антоновичъ Кюи, сыгравшій видную роль въ образованіи новой русской музыкальной школы.

Творчество Ц. Кюи разнообразно, но выделялся онъ въ оперѣ, романсѣ, музыкальной миниатюрѣ и фортепیانной пьесѣ. За послѣднее время престарѣлый Цезарь Кюи совсѣмъ лишился зрѣнія и вынужденъ былъ отказаться не только отъ любимой фортепیانной игры, но и отъ посѣщеній концертовъ, которыхъ обычно никогда не пропускалъ.

Д. Ф. Кобеко былъ назначенъ въ 1901 г. членомъ Гос. Совѣта, а въ 1902 г.—директоромъ Публичной библіотеки. Въ 1908 г. за либеральный образъ мыслей и за голосованіе въ Гос. Совѣтѣ по нѣкоторымъ проектамъ противъ желаній правительства Д. Ф. былъ исключенъ изъ списка присутствующихъ членовъ Гос. Совѣта.

Д. Ф. Кобеко состоялъ членомъ академіи наукъ, а также членомъ многихъ ученыхъ учреждений и обществъ. Его перу принадлежатъ рядъ солидныхъ историческихъ трудовъ.

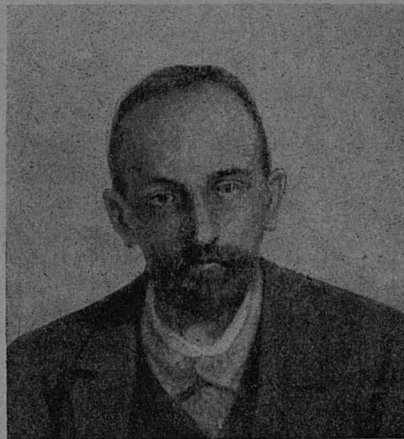
Отъ должности директора Публичной библіотеки Д. Ф. былъ устранивъ 31 января текущаго года.

б. директоръ Императорской Публичной библіотеки
Дмитрій Феомищъ Кобеко.
(† 20 марта 1918 г.).

Тов. Свердловъ
предсѣдатель Ц. И. К. С. Р. и С. Д.

Тов. Чичеринъ
народный комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ, замѣнившій Л. Троцкаго.

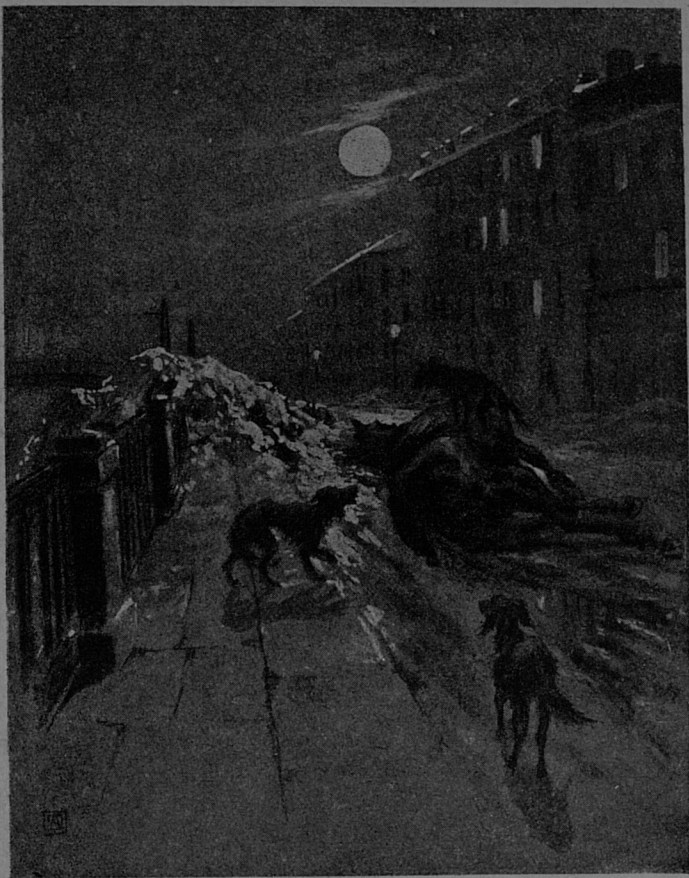

Тов. Дыбенко
народный комиссаръ по морскимъ дѣламъ.

На лекціи въ петроградской школѣ журнализма.

Недавно въ Петроградѣ открылась школа журнализма,—школа особаго типа, привлекавшая уже до 200 слушателей, преимущественно изъ молодежи. Дирекцію школы составляютъ грод. С. А. Адриановъ, Ф. Ф. Зелинскій, Ф. А. Браунъ, Б. Е. Шапкинъ, литераторы П. П. Пильскій, А. В. Румановъ и В. Г. Танъ. Много извѣстныхъ публицистовъ согласилось прочесть рядъ лекцій на отдѣльныхъ темахъ для готовящихся вступить на тернистый путь русскаго журналиста.

Павшая лошадь въ Петроградѣ на набережной Фонтанки.

Рисунокъ съ натуры для „Огонька“ худ. М. А.

Такихъ случаевъ въ столицѣ не перечесть. Падаютъ лошади отъ изнеможенія и голода и тутъ же на улицахъ умираютъ... Лежать неубранными, и отошавшія собаки угощаются падалью. Смѣшно и скорбно звучить для уха современнаго жителя „Града Св. Петра“ гордое когда-то имя — „Сѣверная Пальмира“.

* * *

Доступенъ свѣтлый рай не только непорочнымъ,
Не знавшимъ прелести съ высотъ лазурныхъ пастъ,
Но и заблудшимъ, кто до просвѣтлѣнья
Утѣхамъ дьявольскимъ отдалъ себя во власть.
И ярче заблеститъ надъ тѣмъ вѣнецъ нетлѣнный,
Кто до раскаянья свершалъ во блудъ путь:
Блаженъ, кто отвращалъ свои уста отъ чаши,
Блаженнѣй, кто, прильнувъ, ее могъ оттолкнуть.

С. Аничкова.

Археоптериксъ.

Разсказъ А. Валентинова.

I.

Мурочка чувствовала себя пеловко прель этими двумя стариками, имена которыхъ съ такимъ почтительнымъ уваженіемъ назывались и у насъ здѣсь, и тамъ — «за рубежомъ»... Тамъ, пожалуй, даже чаще, чѣмъ здѣсь...

Конечно, сдавать экзаменъ на дому у профессора — штука совѣтъ не легкая и Мурочка ни за что бы не рѣшилась на нее, если бы, во первыхъ, уличныя

событія не перепутали бы всѣхъ экзаменаціонныхъ сроковъ и если бы, во вторыхъ, ей не предложили бы этого сами.

Билетъ на югъ — домой быть уже въ карманѣ и безъ риска потерять его, разумѣется, нельзя было не согласиться... Да, и потомъ... Потомъ профессоръ знаетъ вѣдь всѣхъ по семинарію... Значитъ не такъ ужъ и страшно...

Въ кабинетѣ было холодно... Морозныя пальмочки, разрисованныя стекла, добѣжали почти до форточекъ и казались, почему-то, особенно прочными, особенно злыми и затѣйливыми...

Глядя на нихъ, Мурочкѣ хотѣлось еще какъ нибудь поплотнѣе закутаться въ оренбургскую кацавейку и натянуть поскорѣ гарусныя варежки, потому что руки сильно озябли...

Задавъ тему, Щербиловъ отшелъ отъ маленькаго книжнаго столика, за которымъ примостилась Мурочка, и подошелъ къ письменному. Возлѣ — въ глубокомъ кожаномъ, чопорно-старинномъ креслѣ сидѣлъ онъ — богъ и кумиръ Мурочкинъ, «гордость курсовъ», одинъ

изъ первыхъ въ академіи и университетѣ.

Полоса тускло-блѣднаго сумеречнаго свѣта падала на высокій крупный лобъ, на строгую умную складку межъ бровей, на серебристо-ровные локоны, прикрывавшіе лѣвый, къ окну обращенный високъ...

Тураевъ пришелъ почти одновременно съ Мурочкой и теперь, не услѣвъ еще какъ слѣдуетъ отдышаться, говорилъ Щербилову съ короткими, отрывистыми паузами, словно прислушиваясь къ перебоямъ своего больного сердца...

— Едва живъ... Право... Съ энциклопедіей гонять, гонять, гонять... «Вэ» — окончили раньше, почему то... Теперь съ «А» летать... на курьерскихъ... Фу-у... У меня сейчасъ на очереди... эти... допотопныя птицы... Археоптериксъ... Хочу, вотъ, на васъ, Леонидъ Львовичъ... на ваши «Гипотезы» посослаться... Чутьточку... А?...

— Археоптериксъ? — переспросилъ медленно Щербиловъ...

Чуть подумавъ и вдругъ, понизивъ голосъ, спросилъ:

— Почему вамъ, кстати, Петръ Михайловичъ, вчерашняя птица обошлась?..

П.

Часы глухо пробили пять...

Оба человѣка съ именами, созданными десятилѣтними неоптимо-огромнаго труда, сказочно-чудной работы, съ локонами сѣдыхъ волосъ, съ прекрасными глазами говорили торопливо, перебывая другъ друга, вздыхая, волнуясь, только объ этомъ, только и только объ одномъ...

Щербиловъ и Тураевъ...

Шер-би-ловъ и Ту-ра-евъ!..

Мурочка не вѣрила, не хотѣла, не могла вѣрить своимъ глазамъ...

Уборка скота, павшаго на улицахъ Парижа во время осады нѣмцами.

По гравюрѣ 1871 г. („La Presse Illustrée“).

И на улицахъ Парижа падалъ скотъ отъ изнеможенія и недоѣданія. Къ голоду прибавлялся еще падежъ скота отъ отравленныхъ нѣмцами колодезь. Но все же тогда очень заботились о санитарномъ состояніи города. Скотъ не залеживался на площадяхъ, дворахъ и нѣдѣлями... Его немедленно подбирали и на санитарныхъ повозкахъ отвозили за городъ, гдѣ трупы предавались уничтоженію.

Картинки парижской жизни во время осады и коммуны

Снимки с гравюр в журналах „La Presse illustrée“ и „L'Événement illustré“ за Мартъ 1871 г., находящихся в распоряжении „Огонька“.

Торговля собачьим, кошачьим и крысиным мясом на Сент-Жерменском рынке.

Известно, что одним из главных подспресьев осажденных и отрезанных от всей остальной Франции парижанъ являлось конское мясо, которое подъ разными видами и соусами подавалось въ фешенебельныхъ ресторанахъ и къ столу наиболее зажиточныхъ гражданъ. Но съ теченіемъ времени и въ этомъ мясе стали чувствовать я недостатокъ. Появились лакомые блюда изъ собачьихъ головъ, кошачьихъ печенокъ и крысиныхъ бифштексовъ... На рынкахъ толпы народа бойко раскупали презрѣнное до тѣхъ поръ мясо.

Щербиловъ и Тураевъ...

Особенно — Тураевъ!..

Стараясь не мѣшать ей, они хотѣли бы бесѣдовать тихо, совсѣмъ тихо, но... ха, ха... у-вле-ка-лись... Да, да—увлекались!.. И тогда слова сыпались быстро и четко... Тогда низкій, нѣжно-ласкающій тембръ профессора Щербилова, такъ умѣвшій заколдовывать благоговѣвшую аудиторію, говорилъ съ безудержно — торопливой быстротой:

— Можно и изъ картофельной... Чудесно... Надо только сметаны... На полтора фунта—полстакана... Потомъ — одно яйцо, чуточку заправили... (а нынѣ настоящія вкусныя галеты... Вѣра Павловна...

— Полстакана?.. — переспрашивалъ внимательно Тураевъ и, кивая серьезно львино-красивой головой, шепталъ почти:

— Попробуйте изъ сѣмечекъ, мака и патоки... Сѣмечки... фунтъ... перемолоть въ мясорубкѣ... Затѣмъ смѣшать съ патокой медъ, — если есть —немножко толокна... Прелесть...

Такъ полчаса, а, можетъ быть, и часъ учили другъ друга два человѣка, вчера еще казавшіеся Мурочкѣ такими недоступными, такими нездѣшными — мудрыми...

Въ сторонѣ гдѣ то лежало забытое скромное «Изслѣдованіе объ археоптериксѣ» и вмѣсто строгихъ латинскихъ

Прибытіе первого вѣза съ карт фелемъ послѣ заключенія перемирія.

Несмотря на принятія властями мѣры, усердное насажденіе овощной культуры на каждомъ свободномъ клочкѣ осажденнаго горъ, парижане къ концу осады стали ощущать большой недостатокъ въ растительной пищѣ. Легко себѣ представить радость изголодавшихся гражданъ, когда, съ объявленіемъ перемирія и снятіемъ частичной осады, въ городъ прибылъ первый вѣзъ съ картофелемъ. Съ жадностью набросились хозяйки на зеленщика и готовы были чуть ли не силой растащить драгоценный продуктъ. У насъ также въ мартѣ, но не 1871 г., а 1918 г., и не во время осады, хотя и во время коммуны, картофель—та же драгоценность, желанная, необходимая...

Классификація газетъ на парижскихъ бульварахъ. Приемы борьбы съ печатнымъ словомъ, напоминающие петроградскіе нравы...

терминовъ да классификацій безъ конца назойливо стрекотало:

— Запечъ... Вскипятить... Мука... Масло... Сахаръ... Песокъ...

И казалось минутами Мурочкѣ, что, если закрыть глаза, да вообразить хорошенько, такъ покажется, что не двое—не Щербиловъ и Тураевъ сидятъ передъ нею, а кто то совсѣмъ, совсѣмъ другой расплывчато-многоликій, безконечно простой и понятный...

Нѣсколько разъ (Мурочка слышала ясно) начинали говорить о томъ, кошмарно-нелѣпомъ, что свалилось вдругъ на Россію, но сейчасъ же, какъ то, до подлости исподволь-незамѣтно сѣзжали снова на старое. И опять, вмѣсто прежнихъ скорбно-значительныхъ словъ, сыпались фунты, рубли, кулинарные рецепты, кухонные секреты...

И о прошломъ—такъ же... Не лучше...

— У Филиппова — медовые калачики...— вздыхалъ, улыбаясь, Тураевъ...— Помните, Леонидъ Львовичъ... Бывало утромъ—къ газеткѣ...

И Щербиловъ, не замѣчая Мурочки, поддакивалъ:

— Да, да... Тепленькіе... Тепленькіе... Хе... хе...

Затѣмъ смотрѣли куда то вдаль— пристально, задумчиво и устало...

Щербиловъ и Тураевъ...

Потомъ Щербиловъ опять тихо отбиралъ дорогія — въ тисненыхъ кожаныхъ переплѣтахъ книги и говорилъ едва-едва слышно съ болью не выразимой:

— Вчера, повѣрите ли, Петръ Михайловичъ, продалъ Мак-Кавели... Лейпцигское изданіе... Двѣсти двадцать пять лѣтъ... За—65.. Картофель купили...

А Тураевъ грустно потряхивалъ сѣдой своей львиной гривой...

Алекс. Валентиновъ.

РАЗСКАЗЪ.

Разсказъ ДЖОЗЕФА КОНРАДА.

(Съ англійскаго).

За широкимъ окномъ день медленно угасалъ. Въ углахъ комнаты сгустился мракъ, понемногу стирая силуэты мужчины и

Помощникъ обратилъ вниманіе Командира на какой то предметъ въ водѣ.

женщины. Ихъ присутствіе выдавалъ только прерывающійся страстный шепотъ мужчины и тихіе, какъ вздохъ, отвѣты женщины.

Потомъ все стихло. Мужчина всталъ съ койки и отошелъ отъ кушетки, на которой два замѣтно выдѣлялась фигура женщины.

Ничто не нарушало молчанія комнаты. Волна страсти разбилась о преграду тихой грусти. Мужчина боялся лишнюю движенія, шороха, всегда врывающейся такъ непрошено прозы жизни; какъ всегда, смѣле его оказалась женщина. Первымъ прозвучалъ ея голосъ, почти официально, хотя вся она еще трепетала отъ пережитыхъ ощущеній.

— Скажи мнѣ что-нибудь, — услышалъ онъ.

Мракъ скрылъ его удивленіе и потомъ его улыбку. Вѣдь, онъ только что сказалъ ей все, что могъ!

— Что же мнѣ сказать тебѣ? — спросилъ онъ, овладѣвъ собою. Теперь ужъ онъ былъ благодаренъ ей.

— Почему бы тебѣ не рассказать мнѣ что-нибудь?

— Рассказать?

— Ну, да..., — теперь ея голосъ ужъ звучалъ капризно. Она знала, что ея желаніе для него законъ.

Онъ пожалъ плечами. Ему было досадно на женщину за ея умныя мѣлкія настроенія, какъ мѣняющія платяе. Она же продолжала:

— Ты когда то... такъ хорошо умѣлъ рассказывать случаи изъ своей жизни... Еще до войны...

— Правда? — угрюмо отозвался онъ. — Но теперь, вѣдь, война... и я взялъ отпускъ всего на пять дней.

— Да, и я тоже взяла отпускъ... на пять дней оторвалась отъ... своихъ обязанностей.

— Это хорошее слово.

— Обязанности? Иногда оно ужасно! Но говори же, говори...

Онъ сдѣлалъ прощическое движеніе, выражавшее покорно ть:

— Если ты этого хочешь. Жить было на свѣтѣ Командиръ военнаго судна и одинъ Сьервингъ. Запомни эти имена — друг ихъ у нихъ не было. Жили они въ мірѣ морей, суши и острововъ...

— Какъ мы всѣ, — шепнула она горько.

— Да. И въ этомъ мірѣ была война. Участіе въ этой войнѣ принимали не только враждующія стороны, но и нейтральныя. И за ними-то нужно было неунышное наблюдение. Нашего Командира часто посылали съ его судномъ обозрѣвать берега, а онъ никакъ не могъ привыкнуть къ невозмутимости моря. Никогда нельзя было знать, что оно готовило его судну. Солнце золотить волны,

воздухъ прозраченъ и тихъ, а Командиръ знаетъ, что каждая минута можетъ принести имъ смерть отъ чего-то, что незамѣтно приближается къ нимъ. Онъ заиводвалъ солдатамъ, которые, стирая кровь и потъ съ лица, считаютъ убитыхъ враговъ и видятъ передъ собой исчерзанную снарядами землю. Онъ завидовалъ откровенности удара лицомъ къ лицу съ непріателемъ, прямой вызовъ и отвѣтъ. Море не давало имъ этого, а все время притворялось, что на свѣтѣ все тихо и мирно.

— Я знаю, — прервала она его нервно, — искренность, прямота и сграть — вотъ твой символъ вѣры!

— А развѣ мы оба не вѣримъ одинаково? — тревожно сказалъ онъ, но, не дождавшись отвѣта, продолжалъ: — Такъ чувствовалъ Командиръ. И только, когда ночь скрывала все кругомъ, онъ отдыхалъ душой. Ночь не лгала такъ, какъ лгалъ радостный солнечный день.

Однажды, туманнымъ, холоднымъ днемъ судно проходило мимо скалистаго, непривѣтливаго берега. Помощникъ обратилъ вниманіе Командира на какой-то предметъ въ водѣ.

— Это похоже на обломки корабля, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, это не то, — возразилъ Командиръ, — по нашимъ свѣдѣніямъ послѣднее судно было потоплено далеко къ западу. А впрочемъ, никогда не знаешь навѣрное.

Такъ все началось. Направленіе судна измѣнили такъ, чтобы подойти ближе къ странному предмету въ водѣ. Ближе, но не совсѣмъ вплотную, такъ какъ это могло быть опасно. Но предметъ оказался самой обыкновенной бочкой. И все же появленіе ея было знаменательно.

Командиръ и его помощникъ сошлись на мнѣніи, что это признакъ дѣятельности нейтральныхъ народовъ. Эта дѣятельность уже проявлялась въ томъ, что они снабжали провіантомъ нѣкоторыя подводныя лодки. Про это говорили всѣ, но съ полчинымъ еще никто не былъ пойманъ до сихъ поръ. Теперь же плывущій невдалекѣ предметъ вполне подтверждалъ всѣ подозрѣнія.

— Это ясное подтвержденіе, — сказалъ помощникъ, — того, что мы давно подозревали.

— Но наше положеніе довольно скверное, — отвѣтилъ Командиръ, — подводныя лодки того и гляди захватятъ насъ врасплохъ, а эти благородные нейтральные успѣли, конечно, удрать.

Командиръ переживалъ тяжелыя минуты. Онъ ненавидѣлъ ложь въ чемъ бы то ни было, будь то война или любовь. И то и другое должно быть ясно, какъ день, иначе грозитъ гибелью лучшимъ идеаламъ. Но ему не пришлось долго задумываться надъ этими вопросами. Съ юго-запада на корабль надвинулась дѣлая стѣна тумана. Пришлось остановиться на мѣстѣ и ждать просвѣта. Всѣ звуки на суднѣ замолкли, все поглотила бѣлая тишина. Казалось, этому не будетъ конца. Часы медленно ползли одинъ за другимъ. Но по временамъ туманъ чуть рѣдѣлъ и судно пользовалось этимъ, чтобы двигаться ближе къ берегу. Въ такую погоду не имѣло смысла оставаться въ морѣ и лучше всего было укрыться гдѣ-нибудь у берега. Но въ то время, когда опускали якорь, туманъ былъ гуще прежняго и только по нѣкоторымъ признакамъ можно было сообразить, что берегъ близокъ.

Но капризный туманъ скоро опять

Въ туманѣ темнѣло неясное пятно.

порѣдѣлъ и вышедшаго наверхъ Командира встрѣтили сообщеніемъ, что вблизи стоитъ еще одно судно.

Командиръ, напрягая зрѣніе, всмотрѣлся въ указываемую сторону. Въ туманѣ темнѣло неясное пятно.

— Удивительно, что мы не наткнулись на него, — сказалъ помощникъ.

— Надо выслать туда лодку, — распорядился Командирь. И ему, и его помощнику пришла в голову одна и та же мысль. Боже чѣмъ страннымъ показалось то, что судно не подало никакого сигнала.

— Мы, дѣйствительно, подошли тихо, но все же оно не могло не замѣтить насъ, — сказалъ младшій офицеръ, — но самое странное то, что съ него не слышно ни звука. Точно они тамъ затаили дыханіе.

— Да... — задумчиво отозвался Командирь.

Въ должное время вернулась посланная на развѣдку лодка и офицеръ сообщилъ, что это нейтральное торговое судно.

— Машинны не работаютъ? — спросилъ Командирь.

— Нѣтъ, сударь. Пары разведены.

Командирь отвелъ въ стору помощника.

— Вы правы! — сказалъ онъ, — они затаили дыханіе, когда мы проходили.

Но теперь помощникъ сомнѣвался. Туманъ могъ заглушить звуки. Да и заѣмъ имъ было скрываться? Они давно могли бы при желаніи сняться съ якоря и исчезнуть въ туманѣ. Ищи его потомъ. Однако они спокойно стоятъ на мѣстѣ.

Но Командиръ стоялъ на своемъ:

— А что, если именно это судно поставило провіантъ этимъ дьявольскимъ подводнымъ лодкамъ?

— Вы не могли бы доказать это. Онъ все равно выскользнулъ бы изъ вашихъ рукъ, отвѣтилъ убѣжденно помощникъ.

— Я самъ займусь этимъ дѣломъ и поѣду туда.

На суднѣ его встрѣтилъ самъ хозяинъ, здоровый Сѣверянинъ. Онъ пригласилъ командира въ свою каюту и откровенно заявилъ:

— Скажу вамъ правду, я окончательно потерялъ нужное мнѣ направленіе. Этотъ проклятый туманъ преслѣдуетъ меня уже больше недѣли. А тутъ еще случилось разстройство въ машинахъ...

Онъ былъ очень словоохотливъ и въ словахъ его, казалось, не было фальши.

Но въ то время, какъ Сѣверянинъ говорилъ, какой то внутренній голосъ рассказывалъ Командиру совсѣмъ другую исторію.

— Вѣдь, это мое первое путешествіе въ этихъ краяхъ, — продолжалъ Сѣверянинъ, — и судно это мое. Вашъ офицеръ выдалъ мнѣ бумаги. Я съ трудомъ добываю съ помощью его средства на жизнь. Вѣдь, у меня цѣлая семья на плечахъ.

— Но эта война дастъ вамъ цѣлое состояніе.

Сѣверянинъ удивленно и какъ-то бессмысленно взглянулъ на него.

— А равнѣ вамъ не все равно? Развѣ лучше, если бы я сидѣлъ и плакалъ.

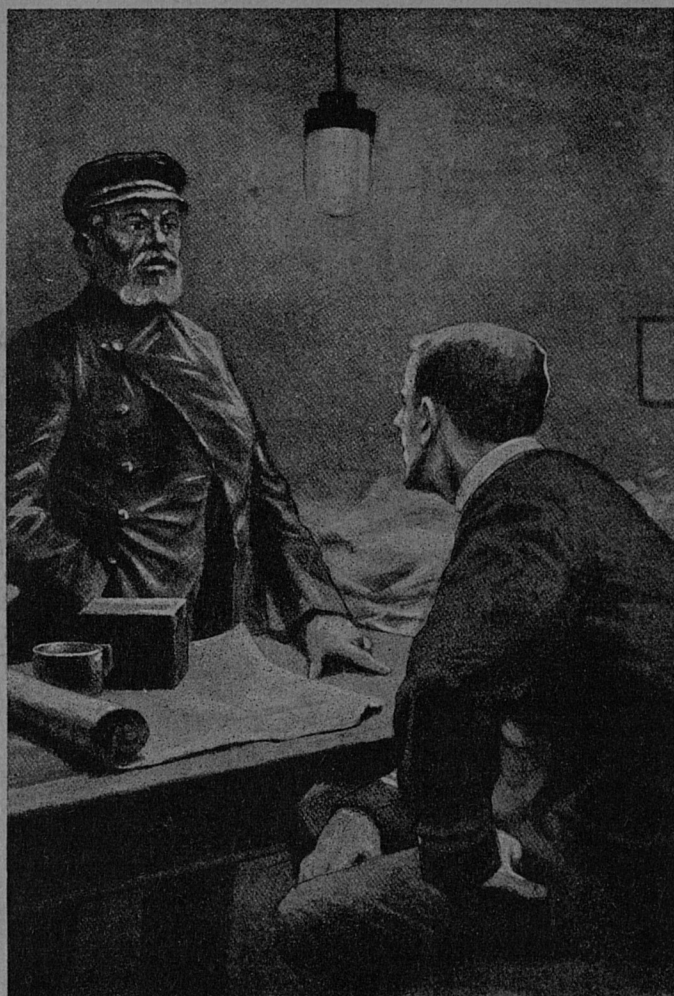
Кому бы это помогло? Пусть плачетъ тотъ, кто заварилъ эту кашу.

— Вы объяснили мнѣ, почему вы здѣсь, — сказалъ Командиръ съ чувствомъ гадливости, хотя ему давно надо было бы привыкнуть къ тому, что несчастье однихъ составляетъ счастье другихъ, — мой офицеръ сказалъ мнѣ, что видѣлъ ваши бумаги. Но, вѣдь, ихъ можно поддѣлать.

Сѣверянинъ медленно поднялъ голову.

— Но, вѣдь, вы не можете заподозрить меня? Я везу товаръ въ Англію.

Его голосъ вдругъ охрипъ. Командиръ думалъ: это правда, у меня нѣтъ никакихъ доказательствъ. Но почему же онъ не подалъ никакихъ признаковъ жизни, когда мы проходили?

Сѣверянинъ стоялъ, точно пораженный громомъ.

Осталось еще одно — пойти проверить команду судна. Но и тутъ Командиръ ничего не добился.

Онъ вернулся въ каюту Сѣверянина. Тотъ все еще сидѣлъ тамъ.

— Вы удивлены моими дѣйствіями? — спросилъ его Командиръ, — но я, вѣдь, не задерживаю васъ?

— Нѣтъ, конечно. Я не знаю, гдѣ мы сейчасъ находимся...

— Скажите, вы не замѣтили нѣкоторые странные предметы въ морѣ?

Командиръ подробно рассказалъ все о бочкѣ и о томъ, что онъ думалъ о ней.

Сѣверянинъ стоялъ неподвижно, точно пораженный громомъ. Потомъ онъ неестественно улыбнулся. Или это показалось Командиру?

— Людей, понимающихъ такъ нейтралитетъ, слишкомъ мало разстрѣлать, сказалъ Командиръ, помолчавъ.

— Да, да, да, — поторопился отвѣтить тотъ и неожиданно добавилъ — можетъ быть вы правы.

Въ его глазахъ былъ какой-то стеклянный взглядъ. Былъ ли онъ пьянъ или только притворялся имъ. Командиру казалось, что сътъ лжи опутываетъ его все больше и больше.

— Тутъ не можетъ быть другого мнѣнія, — сурово сказалъ Командиръ.

Сѣверянинъ вдругъ выпрямился и отвѣтилъ также сурово:

— Нѣтъ. Но что вы скажете о соблазнахъ?

— Лучше убить ихъ.

— А вы знаете, что такое нищета? Я знаю. Конечно, я не пошелъ бы на это. Кромѣ всего прочаго у меня просто не хватило бы рѣшимости. Но вѣдь въ этомъ дѣлѣ нѣтъ почти никакого риска... И за это ему даютъ золото...

— Но и смерть можетъ быть за это, — Командиръ встрѣтился взглядомъ съ Сѣверяниномъ. Тотъ пробормоталъ:

— Меня это не касается.

— Конечно. Но моя обязанность слѣдить за вами и я приказываю вамъ убраться отсюда въ полчаса.

— Въ такой туманъ? — хрипло вырвалось у того.

— Да, въ такой туманъ.

— Но я не знаю, гдѣ я...

— Ахъ, вы не знаете? Такъ я дамъ вамъ направленіе. Держитесь все на юго-западъ, а тамъ погода просвѣтлѣетъ.

Когда еще Командиръ ѣхалъ на лодкѣ на свое судно, онъ услышалъ, какъ на суднѣ Сѣверянина поднимали якорь. Потомъ, точно тѣнь во мракѣ ночи, оно взяло направленіе, данное ему Командиромъ.

* * *

Рассказчикъ склонился надъ кушеткой, гдѣ ни одно движеніе не выдавало присутствія женщины.

— Послушай, — сказалъ онъ, — данное направленіе должно было погубить Сѣверянина. И онъ палетѣлъ на скалы и пошелъ ко дну со всѣмъ своимъ экипажемъ. Значитъ, онъ дѣйствительно не зналъ мѣстности. Но это ничего не доказываетъ. И все же... А теперь я не знаю, былъ ли я правъ или совершилъ убійство невинныхъ людей. И никогда не узнаю...

Женщина встала съ кушетки и обняла его.

Она знала его отвращеніе ко лжи.

— О мой бѣдный, бѣдный...

— И никогда не узнаю!

Онъ высвободился изъ ея объятій, поцѣловалъ ей руку и молча вышелъ изъ комнаты.

Перев. А. д'Анволь.

Когда то въ блаженные времена «твердаго курса» крупчатка стоила шесть коп. фун., а «кагоръ—церковный», не безъ интимнаго участія сандаловой краски, стоилъ сорокъ пять копеекъ.

Бабы въ сторонкѣ любятъ ситцевой штучкой, пробуя ея добротность.

Слѣдовательно, въ здоровомъ разсудкѣ и при твердомъ курсѣ—за одну бутылку вина можно было бы со спокойной и увѣренной душой отсыпать ровно девять фунтовъ мучицы...

Теперь не то. И оба горячатся. Владелецъ вина то прячетъ соблазнительную бутылку, за зеленымъ стекломъ которой столь притягивающе болтаются сельферино - алая пьяная жидкость, то снова выставитъ изъ-за лацкана пальто приманку.

Идетъ споръ не о денежной стоимости, такъ какъ вообще деньги тутъ не причемъ и позорнѣйшимъ для нихъ образомъ—изгнаны и упразднены.

Въ концѣ концовъ за бутылку «твердо названо» полтора фунта муки—и сдѣлка состоялась...

Деревня, подъ самымъ Петроградомъ, настроена по отношенію къ декретированной и зафиксированной стоимости кредитнаго квадратнаго обрывка довольно отрицательно. Нѣмецкіе колонисты приневской полосы, съ присущей имъ трезвостью, рѣшили такъ:

Баста... Ничего не продаемъ, но все, рѣшительно все вымѣниваемъ.

По примѣру осматрительныхъ нѣмцевъ такъ начинаютъ дѣлать и въ окрестныхъ деревняхъ.

На основномъ крылечкѣ стоитъ семейка. Городской оборотистый человѣкъ, прѣхавшій не съ пустыми руками, а съ «разводистымъ», глазастымъ ситцемъ, отъ котораго отдаетъ фабричной краской, «благопріобрѣлъ» за ситецъ мѣшокъ свѣжаго, рассыпчатого картофеля.

Хозяинъ благодушно-лукаво слѣдитъ за тѣмъ, какъ рыхлый, болѣзненнаго склада человѣкъ въ порывѣломъ, но приличномъ городскомъ пальто пыхтитъ, измученно отдуваясь, надъ мѣш-

комъ, набитымъ деликатесомъ пынѣшней поры.

...Не всегда можно явиться въ деревню, измученную безтоварьемъ, съ чѣмъ хочешь.

Иногда, устанавливая «добрососѣдскія» отношенія, городской человѣкъ вынужденъ считатьъ съ требованіями того самаго крестьянина, который его и подиесь кормить.

— А, что вамъ, Силантъичъ, въ слѣдующій-то разокъ завезти?

— Да что ужъ, нужно бабъ поспрошать. Чего захотятъ, того твоя милость и привезетъ...

Слѣдуетъ довольно долгое деревенское, воистину степенное обсужденіе, что нужно семейству.

Слѣдуетъ заказъ человѣку, вынужденному стать комиссіонеромъ:

— Вотъ что, милъ-человѣкъ. Ты намъ, слышь, спроворь машиночку, чтобы шила... Швейную, значить...

— Такъ. А что дадите за швейную?

— Погоди, не семени. Довольно дадимъ. Потомъ часы, чтобы намъ были—и съ боемъ... Кукушка, знатся, выскакиваетъ и этакъ-то жалобно выкукувается...

— Теперь не дѣлаютъ такихъ часовъ.

— Ладно. Найдешь. За кукушку,—ежели съ кукушкой, ахъ и разумажу!.. Дамъ десять фунтовъ отсѣвки...

— Потомъ зеркало.

Заказъ взятъ и обычно выполняется дословно.

* * *

...Очереди плодять очереди. Какое то, какъ сказалъ бы ботаникъ, «размноженіе почкованіемъ».

Вотъ у круглаго окошечка кассы заминка. Барышня отодвигаетъ протянутый покупателемъ 250-ти-рублевый билетъ или даже керенку и произноситъ внушительно;

—Сдачи рѣшительно не будетъ... Стойте и ждите, пока накопится мелочь.

Тотъ, кто имѣетъ «соотвѣтствующія моменту» мелкія деньги, быстро отдѣлывается,

но несчастные съ крупными деньгами, вытягиваются въ унылую, бесполезную очередь, не ведущую ни къ какому лакомому продукту. Ждутъ, бываетъ, часами въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ хвоста, по терминологіи шутниковъ изъ

неудавшихся гимназистовъ, «камчаткѣ». Набѣжавшая мелочь удовлетворитъ двухъ-трехъ, а остальные вновь тол-

* * *

куются—и такимъ образомъ горю-злосчастія ихъ нѣтъ конца.

Августъ.

Поучительная история о русском интеллигенте и рабочем и об их рубле и курице.

Рисунок для «Огонька» худ В. ПЕТРОВА.